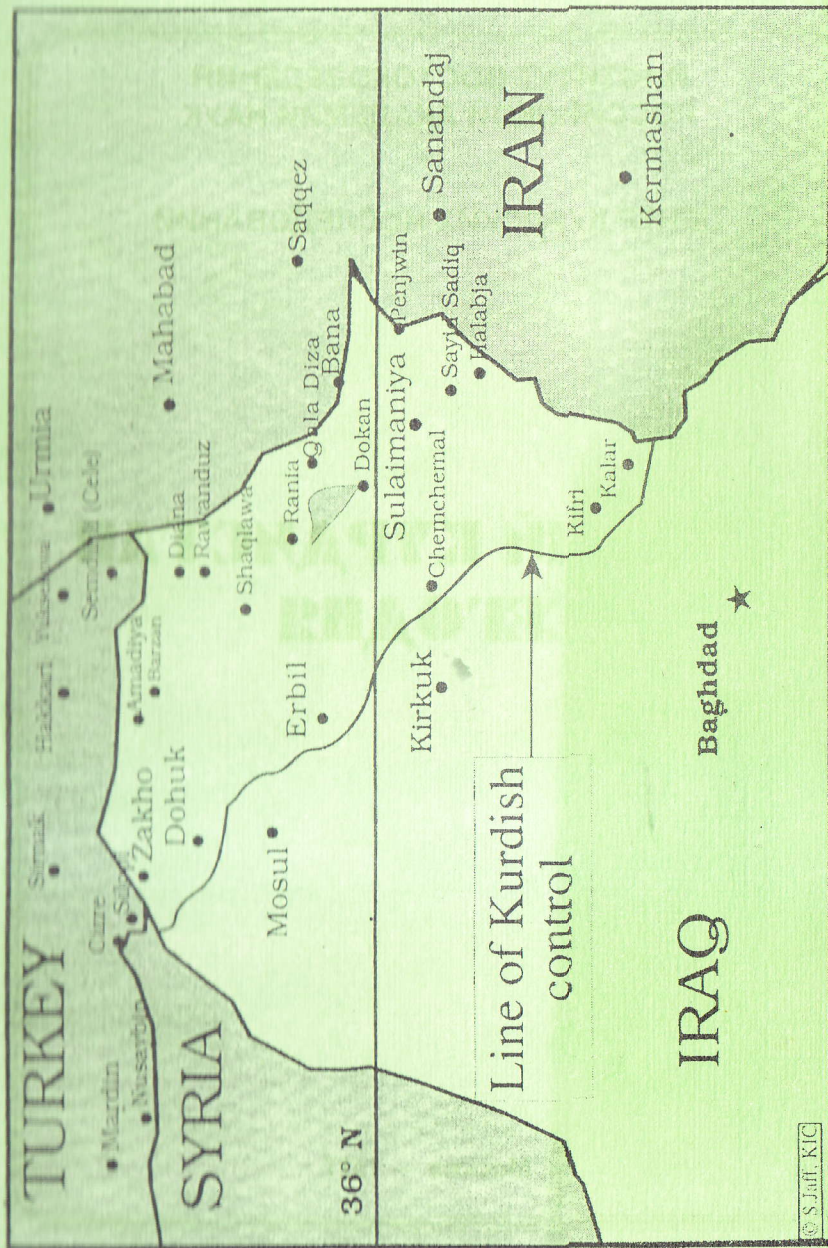

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЦЕНТР КУРДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН СЕГОДНЯ

Москва — 1997

Map 2 Kurdish liberated zone after 1991

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЦЕНТР КУРДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

14565

ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН
СЕГОДНЯ

(Уроки кризиса)

Москва — 1997

Е. Рафиев, В. Рафиев, В. Рафиев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Гасратян, М.С. Лазарев, Ш.Х. МГОИ

Сборник содержит материалы научного симпозиума, организованного Сектором курдоведения Института востоковедения РАН и Центром курдских исследований, состоявшегося в Москве 3 декабря 1996 г. В нем приняли участие российские и курдские ученые, подвергшие всестороннему анализу причины, ход и последствия кризиса, разразившегося в Южном (Иракском) Курдистане в 1991-1996 гг. и не преодоленного до сих пор.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
М.С. ЛАЗАРЕВ. Южный Курдистан в истории и политике	4
Ш.Х. МГОИ. Политические изменения в Южном Курдистане после конфликта в Персидском заливе	18
Г.С. ШАХБАЗЯН. Межкурдский конфликт в Южном Курдистане .	38
ШОРШ ХАЛИД САИД. Успехи и проблемы правительства Иракского Курдистана	49
МУАФАК АХМАД. Информационное агентство в "Свободном Курдистане"	57
М.А. ГАСРАТЯН. Турция и события в Южном Курдистане	61
ЕНЕН ЭКРЕМ. Южный Курдистан и турецкий фактор	71
А.Г. БАГИРОВ. Отношение Сирии к событиям в Южном Курдистане в 90-е годы	76
РАСУЛ БАШИР САБРИ. Позиция арабских стран в связи с ситуацией в Южном Курдистане	82
О.И. ЖИГАЛИНА. Иран и кризис в Южном Курдистане	86
А. МУХАММЕД ШАРИФ. Политика Ирана в Южном Курдистане .	94
Ш.Ч. АШИРИ. Реакция на Западе и в России на обострение курдского вопроса в Ираке	101
НАШИ АВТОРЫ	108

ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН В ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ

Один из классиков курдоведения русский ученый В.П. Никитин писал: "Название Курдистан, то есть страна курдов, не относится к независимому государству с определенными политическими границами, в пределах которого живет население если и не полностью однородное, то по крайней мере в большинстве своем того же этнического происхождения"¹. Прибавим, что Курдистан и с географической, и с исторической и с политической точки зрения есть понятие многосоставное. Сказанное в полной мере относится и к курдскому вопросу во всем его объеме. Отсутствие в прошлом и настоящем курдского государства, объединяющего основной массив населенных курдами земель, затрудняет целостное изучение Курдистана с комплексным набором всех его проблем, хотя, разумеется, это остается насущной и актуальнейшей задачей нашей востоковедной науки. Ибо единый и независимый Курдистан был, остается и будет главным политическим идеалом курдов, который является определяющей чертой их национального менталитета.

Итак, специфика изучения Курдистана состоит в том, что оно в его политико-географическом аспекте должно осуществляться и в целом, и раздельно, то есть по отдельным курдским регионам, входящим в разные государства (ныне — в Турцию, Иран, Ирак и Сирию). Собственно этот раздел этнического Курдистана на указанные регионы и породил курдский вопрос как таковой. В курдской проблеме целое и частное неразрывно и органически связано, одно нельзя понять без другого. Следует отметить также, что "курдский вопрос" как определенная идеология и политика распространяется, особенно в последнее время, за пределы самого Курдистана,

среди "некурдистанских" курдов, живущих в северо-восточном Иране, в Центральной Азии, на Кавказе, в некоторых странах Арабского Востока, на Западе (главным образом в Западной Европе). Курдская диаспора превышает 1 млн и обладает значительным политическим, экономическим и интеллектуальным потенциалом. Но, конечно, базисную основу всей курдской проблемы составляют события, происходящие в самом Курдистане.

Основные курдские регионы чаще всего называют по странам, которым они сейчас принадлежат: Турецкий, Иранский, Иракский и (реже) Сирийский Курдистан. Названия эти условные и сравнительно новые, ибо до конца первой мировой войны, когда Ирак и Сирия входили в состав Османской империи, Курдистан был поделен только между ней и Ираном. Курды, законно считающие себя суверенами на своей исторической родине, предпочитают говорить: Северо-западный, Восточный, Южный и Юго-Западный Курдистан, и эти названия прочно закрепляются в научной литературе и публицистике. Как бы там ни было, все эти основные четыре курдские регионы уже восемь десятилетий находятся в разных государствах, что определило своеобразие их социально-экономического и политического положения.

Настоящая работа посвящена Южному Курдистану, расположенному на севере Ирака. В ее основе лежат доклады, сделанные на научном симпозиуме, проведенном в Москве 3 декабря 1996 г., на котором рассматривалась современная кризисная ситуация в этом курдском регионе. Животрепещущая актуальность этой темы порождена не только сегодняшней внутри- и внешнеполитической конъюнктурой на Ближнем Востоке и в частности, в Курдистане, но и вообще той ролью, которую играл Южный Курдистан в курдской истории и современной политической жизни.

А роль эта была весьма значительна, особенно если сопоставить ее с площадью и населением, которые занимают иракская часть Курдистана относительно других его частей. Как известно, все цифровые данные, касающиеся площади и населения Курдистана и его отдельных частей, носят сугубо приблизительный, оценочный характер, ибо этническая территория расселения курдов никогда не имела официально признанных государственных границ, административные границы провинций, населенных курдами, были проведены произвольно, но ссылаясь с этническими критериями, а этническая статистика была крайне несовершенна и подчинена шовинистическим установкам правящих режимов ближневосточных стран. Учитывая все это, согласно экспертным оценкам, территорию Курдистана можно определить приблизительно в 500 тыс. кв. км (та часть смежной территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии, где курды составляют абсолютное или относительное большинство населения), а общую численность курдов — в 26-30 млн. (из них в самом Курдистане — свыше 90%). Если принять эти расчеты, то на Южный Курдистан приходится 74 тыс. кв. км (около 15% территории Курдистана) и до 4 млн. курдского населения (около 14% курдов)*

Однако именно Южный Курдистан можно назвать колыбелью курдского народа, ибо в этом регионе и непосредственно в прилегающих к нему землях еще два с половиной тысячелетия тому назад начался этногенез курдского народа. Именно Южный Курдистан стал регионом первоначальной исламизации курдского народа, сыгравшей столь судьбоносную роль в его истории, регионом его непосредственных контактов с арабским миром и с иранской цивилизацией. Здесь же, а также в соседних районах Юго-Восточного и Юго-Западного

* Некоторые авторы исчисляют территорию Южного Курдистана в 100 тыс. кв. км, включая в нее земли в районе дивы Дияля и к северо-западу от Мосула, частично населенные курдами. Численность курдского населения также можно считать условной, ибо она не учитывает сотни тысяч беженцев.

Курдистана в X-XIII вв. н.э. возникли первые очаги курдской государственности (курдские династии Хасанвайхидов — 959-1015. Марванидов 983-1085, и Айюбидов 1169-1252), которые, однако, в силу неблагоприятных исторических условий, оказались относительно эфемерными и не смогли стать основой для становления независимого и объединенного Курдистана.

В последующие эпохи, когда Курдистан оказался поделенным между Османской империей и Ираном (с начала XVI в.), его южная часть продолжала играть особую роль в его истории. Именно здесь в начале XIX в. произошла первая встреча курдов с западным колониализмом в лице британской Ост-Индской компании и ее агентов; началось постепенное проникновение англичан в курдские земли, что имело серьезные последствия в будущем. Одновременно Южный Курдистан стал первым курдским регионом, где в новое время зародилось курдское освободительное движение. Оно первоначально носило феодально-сепаратистский характер, возглавлялось знатнейшими курдскими владетельными домами и преследовало цель самоопределения эмиратов Бабан, Соран и Бахдинан, входивших в Османскую империю. И хотя курдское движение тогда было раздавлено, оно оставило после себя никогда не гаснувшую традицию вооруженного сопротивления чужеземному гнету, основанной на первых опытах курдской государственности.

После первой мировой войны, когда Курдистан подвергся новому разделу, его южная часть была включена в состав подвластного Англии арабского государства Ирак (а юго-западная — в подчиненную Франции Сирию). Наступил 40-летний период прямого и косвенного британского господства над Южным Курдистаном, который позволяет выделить его в особый регион в сравнении с другими курдскими регионами.

Ничуть не преуменьшая зло, причиненное курдам (равно как и арабам) британскими колонизаторами, нельзя не отметить и некоторые позитивные моменты, поставившие иракских курдов в определенное преимущественное положение

перед их турецкими и иранскими соплеменниками. Курды Ирака оказались в системе более благоприятной для социально-экономического, политического и культурного развития, чем та, в которой проживали курды Ирана и Турции. Англичане, имея в виду, конечно, корыстные цели, были заинтересованы в модернизации социально-экономических и общественно-политических структур Ирака, и этот процесс в нем шел быстрее и эффективнее, чем в Турции и Иране, особенно в их курдских окраинах. Экономическому развитию Ирака, в том числе его северных провинций, способствовала начавшаяся добыча нефти в богатейших месторождениях Киркука (Иракский Курдистан) и других районов, особенно ускорившаяся после второй мировой войны. Это привело к появлению соответствующей инфраструктуры и к социальным сдвигам, способствующим разложению средневековых феодально-племенных отношений. Иракский Курдистан шел впереди и в области развития культуры и образования.

Не препятствуя некоторому прогрессу (впрочем весьма относительному и небольшому в абсолютных показателях) в Южном Курдистане, английские хозяева Ирака имели и свой политический расчет. Он состоял в стремлении противопоставить курдское национальное движение в Ираке арабскому в духе традиционной политики "разделяй и властвуй". Для этого следовало сделать определенные поправки курдам, особенно их верхушке и формирующимся средним слоям. При этом англичане рассчитывали произвести благоприятное впечатление на курдов соседних с Ираком стран, на которых у Лондона тоже были свои виды.

Особых успехов эта хитроумная политика англичанам не принесла, а если они и были, то — малозаметны и преходящи. Наступила эпоха кризиса классического колониализма, который в полной мере проявился и в подмандатных странах Арабского Востока — в Ираке, Сирии, а потом и в Палестине. Объективно англичане получили в Иракском Курдистане не совсем то, что они хотели, а правильное сказать —

совсем не то. На самом деле их политика подливала масло в огонь курдского национализма, который чем дальше, тем больше принимал антиимпериалистическое направление.

Итак, указанные особенности исторического и политического развития Южного Курдистана, особенно в период с 1918 по 1958 гг., выдвинули иракских курдов на авангардные позиции в общенациональной борьбе за свободу и независимость. Для этого были созданы экономические, социальные, политические и культурные предпосылки. И, что особенно важно, благодаря им здесь появились кадры, способные организовать и возглавить силы национального протеста.

По происхождению они принадлежали к традиционной элите, но оказались более восприимчивы к современной политической борьбе, ее методам и идеологии. Этим они выгодно отличались от таких вождей племен и религиозных авторитетов, как, например, шейх Саид или Симко. Шейх Махмуд Барзанджи после окончания первой мировой войны и до начала 30-х гг., братья Ахмед и Мустафа Барзани в 30-е годы и во время второй мировой войны показали себя лидерами национального масштаба.

Особенно велики были заслуги Мустафы Барзани перед национальным движением как иракских, так и иранских курдов во время второй мировой войны и сразу после ее окончания. Он показал себя выдающимся политическим и военным организатором. Именно в это время в Южном и Юго-Восточном (в Иране) Курдистане возникли левоориентированные курдские политические партии, из которых вскоре сформировалась "Демократическая партия Курдистана", имевшая свои автономные организации во всех его регионах.

Июльская революция 1958 г. покончила с западным засильем в Ираке, проводником которой была правившая в Багдаде хашимитская династия. То была вторая после египетской революции крупная победа арабского национализма на Ближнем Востоке, вызвавшая широкие отклики во всем арабском мире. Арабский национализм правил бал. Поднялись на борьбу за свободу и независимость и курды, в первую оче-

редь те, которые проживали именно в арабских странах: в Ираке, а также в Сирии.

События на Арабском Востоке стали мощным импульсом для подъема курдского национального движения по двум причинам. Во-первых, был нанесен удар по общему врагу и арабов и курдов — западному империализму и колониализму, представленному Англией и Францией, за спиной которых во многих случаях стояли их главный союзник США. Во-вторых, находившийся на подъеме арабский национализм, как и всякий другой, искал и находил себе врага не только вовне, но и внутри, а таковым в Ираке (и отчасти в Сирии) были конечно же курды. Неизбежный конфликт между арабским и курдским национализмами носил в себе черты острой конфронтации, поскольку для первого были типичны великодержавность, шовинизм с клерикальным оттенком и вообще правые тенденции (а в Ираке, где у власти находится наиболее радикальное крыло националистической партии Баас, и откровенно фашистские), а для второго всегда были характерны традиционная левориентированность и демократизм.

Естественно, поэтому, что именно в Ираке после долгого застоя начался новый и самый мощный за всю курдскую историю подъем курдского национально-освободительного движения. Центральное событие — восстание под руководством возглавлявшейся Мустафой Барзани ДПК, которое длилось с 1961 по 1975 гг. (с перерывами). Оно далеко вышло за локальные пределы Иракского Курдистана и оказало глубокое воздействие на политическую ситуацию во всем Курдистане.

Значение этого события не только в его беспрецедентной продолжительности и высоком уровне военного и политического руководства, обеспеченного таким выдающимся курдским лидером XX в. как Мустафа Барзани. Не менее важно, что это было первое крупное курдское национальное движение, которое принесло реальный, а главное необратимый результат. Баасистское руководство Ирака, уже почти 20 лет

правляющая страной, вынуждено было официально пойти на создание Курдского автономного района. И хотя это была весьма урезанная автономия и территориально (без нефтеносного Киркукского округа), и административно-политически, а Багдад сделал все, чтобы превратить ее в фикцию, признание права курдов на самоопределение даже в виде такой усеченной автономии имело историческое значение. Был создан важный юридический прецедент, опираясь на который иракские курды, а по их примеру и курды других стран, могли вести борьбу и вели ее с более сильных в международно-правовом отношении позиций, так сказать с более высокого уровня.

Однако практически реализовать эти результаты многолетней самоотверженной борьбы иракских курдов под предводительством Мустафы Барзани оказалось очень трудно, а в период с середины 70-х гг. до начала 90-х гг. почти невозможно. Обстоятельства внутреннего и внешнего характера обернулись против иракских курдов, в чем они отчасти были сами виноваты (разногласия среди участников восстания, особенно в руководстве ЛПК, серьезные ошибки и просчеты, допущенные самим Барзани в начале 70-х гг.). Главное же против курдов обернулось резкое изменение внешней обстановки вокруг Ирака и Курдистана.

Сговор между Ираком и Ираном за счет курдов в 1975 г., усиление контактов на антикурдской основе Ирака с Турцией и Сирией, экономическое и военно-политическое сближение Советского Союза с Ираком (а также с Сирией), отказ Запада от вмешательства в курдский вопрос — все эти факторы позволили консолидировавшим и укрепившим свою власть иракским баасистам превратить курдскую автономию в фикцию и приступить к широкомасштабным репрессиям против курдов. Удобным предлогом для этого послужила война с Ираном (1980-1988 гг.), которую затеял Саддам Хусейн не в последнюю очередь и для того, чтобы облегчить для себя решение курдской проблемы. Эта кровавая мясорубка окончилась вничью, но как иранские, так и, особенно,

иракские курды пострадали от нее едва ли не больше всех. Во-первых, военные действия захватили территорию Курдистана, во-вторых, обе воюющие страны пытались привлечь курдов противника на свою сторону, что и было использовано Багдадом и Тегераном для расправ со "своими" курдами. Особенно преуспел в этом Саддам Хусейн, "прославившийся" на весь мир газовыми атаками на мирное курдское население пограничной с Ираном полосы (Халабджи ее окрестностей) в марте 1988 г. Это преступление, сопровождавшееся многотысячными жертвами, вызвало бурные протесты во всем мире и вновь приковало внимание всей международной общественности, особенно либерально-демократических и правозащитных кругов, к ситуации в Южном Курдистане. С того времени курдский вопрос стал в ряд других актуальных международных проблем, решение которых не терпело отлагательства.

Другим важнейшим событием, поставившим ситуацию в Южном Курдистане в центр внимания СМИ и правительств не только ближневосточных, но и западных стран, был кувейтский кризис 1990-1991 гг. В результате последовавшим за ним операции "Буря в пустыне" международных сил при решающем участии США, закончившейся полным разгромом саддамова воинства, произошло такое изменение военно-политического положения в регионе, которое привело к новому взрыву в Южном Курдистане, поставившему весь курдский вопрос в Ираке на иную основу и оказавшему большое и долговременное воздействие на все сопредельные страны.

На территории Курдского автономного района, существовавшего при баасистском режиме исключительно фиктивно, возник так называемый "Свободный Курдистан", в котором курдское самоопределение начало функционировать уже не на словах, а на деле. До этого были только политические и психологические предпосылки такого самоопределения (что, кстати говоря, немаловажно), теперь же они были реализованы благодаря прямому военному и полити-

ческому вмешательству Запада, главным образом США. А это означало наступление качественно нового этапа в современном развитии курдского вопроса не только в иракском, но и во всем ближневосточном масштабе. Курдский вопрос впервые в истории получил прочную фундаментальную основу.

Державы (Россия, Англия, Германия) и прежде неоднократно пытались использовать курдские национальные движения в своих интересах, но действовали при этом строго функционально, исходя из собственных конъюнктурных интересов, и как только надобность в курдах отпадала, предоставлялись их собственной судьбе. Безусловно своекорыстные мотивы лежат в основе курдской политики США, прежде не уделявших внимания курдской проблеме, но теперь ситуация в отношении курдского вопроса существенным образом изменилась.

В прежние времена эффективные действия держав в Курдистане были затруднены прежде всего взаимным соперничеством, сводившим на нет усилия добиться какого-нибудь позитивного результата в решении курдского вопроса. Самим курдам вмешательство держав приносило только вред. Теперь же после распада СССР, ликвидации Варшавского пакта и биполярной системы в международных отношениях США получили полную свободу рук в ближневосточном регионе вообще, и в Курдистане в частности. Находясь в крайне враждебных отношениях с багдадским и тегеранским режимами, Вашингтон сделал явный поворот в сторону курдов прежде всего Ирака ввиду специфичности обстановки в этой стране после ликвидации кувейтского кризиса. Американцы получили серьезный шанс превратить Южный (Иракский) Курдистан в зону своего военно-политического влияния в самом центре западноазиатского региона, откуда удобно воздействовать на ситуацию в наиболее неспокойных районах Ирака, Ирана, Турции и Сирии.

Установив севернее 36 параллели бесполетную зону для иракских ВВС своего рода воздушный зонтик*, Запад, в первую очередь США, добился этой цели: впервые за 40 с лишним лет военные структуры НАТО вновь в буквальном смысле слова простерлись над Ираком. Однако на этот раз их роль существенно отличалась от той, которая была в разгар "холодной войны" (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.). Тогда они были вместе с прозападными реакционными правительствами против местных национальных движений, теперь Запад выступает на стороне национальных движений (курдов и шиитов Ирака) против такого же реакционного, но антизападного правительства Багдада. Заклятым врагом Вашингтона стал тоталитарный исламистский режим в Тегеране, который также лишен каких-либо признаков прогрессивности и демократизма. Стало быть потенциально и иранские курды могут войти в орбиту благожелательного протекционизма Запада. Такое же отношение США и их союзников к сирийским курдам, поскольку Сирия все еще состоит в списке антизападных террористических государств.

По-иному обстоит дело с Турцией, где проживают около половины всех курдов. Турция — единственный азиатский член НАТО и, стало быть, союзник западного блока. Поэтому поддержка Западом национального движения турецких курдов, особенно того ее наиболее сильного в настоящее время крыла, которое находится под влиянием левозэкстремистской "Рабочей партии Курдистана" (курдская аббревиатура — ПКК), имеющей в натовских кругах репутацию террористической, исключается. В то же время американцы не желают, чтобы Турция чинила им затруднения в ставшем актуальным для них курдском вопросе. Напротив, они заинтересованы в том, чтобы Анкара стала их помощником в этом деле,

* Другой "зонтик" был водружен над шиитским югом Ирака, южнее 32 параллели: недавно он был продвинут еще на север. Кроме того, некоторые изменения были произведены в бесполетной зоне над Иракским Курдистаном: она была распространена над округом Сулеймании в обмен на небольшую территорию в районе Мосула.

особенно в Южном Курдистане, и с этой целью оказывают на нее сильнейший нажим, перед которым турки вынуждены отступать. Разыгрывая "турецкую карту" в своей курдской политике, Запад умело использует острую критику, которой подвергается Турция за грубые и систематические нарушения прав человека по отношению к "своим" курдам, что служит основным препятствием для ее интеграции в экономические и политические структуры европейского сообщества. А в этой интеграции Турция жизненно заинтересована, ибо без нее курс на всестороннюю модернизацию страны становится проблематичным. Таким образом, и Турция, может быть помимо ее воли, объективно вовлекается в начавшийся на наших глазах процесс нового подхода Запада к курдской проблеме, дающего шанс на позитивные сдвиги.

Суть этого подхода состоит в признании де-факто права части территории этнического Курдистана, расположенного в Ираке, на национальное самоопределение. С 1992 г. над большей частью Южного Курдистана (55 тыс. кв. км из 74), отныне называемой "Свободным Курдистаном", была установлена курдская суверенная власть, пользующаяся военно-политической и частично экономической (в рамках гуманитарной помощи) поддержкой США и их ближайших союзников. С международно-правовой точки зрения это был далеко не полный суверенитет, не признанной де-юре ни одной из стран мира, да и сами иракские курды на это не претендовали. Они его мыслили в составе только еще проектируемой федеральной системы, которую предполагает установить в Ираке антисаддамовская коалиция после устранения диктатора. Однако в настоящих условиях юридическая сторона дела представляется второстепенной. Главное, впервые в истории самая мощная держава западного мира Соединенные Штаты Америки и ее ближайшие союзники встали на сторону одного из наиболее активных отрядов курдского движения и оказывают ему конкретную помощь. Делается это, конечно, в геополитических интересах самих западных держав, но и курды получают несомненный политический вы-

игрыш. И то, что эта встреча Запада с курдами происходит на территории Южного Курдистана, ставит его в исключительное положение во всем курдском регионе Западной Азии. Можно предположить, что в истории курдского национального движения наступает новый, можно сказать решающий этап.

Таким образом, события вокруг Южного Курдистана, развернувшиеся в начале 1990-х гг. уходящего тысячелетия, создали серьезные предпосылки для весьма значительного, а может быть и решающего сдвига в многовековой борьбе курдского народа за свободу и независимость. В сущности речь идет о фактическом признании за курдской проблемой международного статуса, что дает основание для оптимистического прогноза о возможности поддержки международным сообществом безусловного права курдов на самоопределение. В данном случае важна даже не форма этого самоопределения, а выдвижение самого его принципа (впервые после канувшего в Лету Севрского мирного договора 1920 г. между Антантой и поверженной Османской империей).

Однако от появления упомянутых предпосылок до их практической реализации дистанция немалого размера, что и показала нынешняя ситуация в Южном Курдистане. К сожалению, внутривполитическое положение в "Свободном Курдистане" с 1994 г. складывается по наихудшему сценарию. Две основные политические силы автономии Демократическая партия Курдистана (ДПК) во главе с сыном Мустафы Барзани Масудом Барзани и Патриотический союз Курдистана (ПС), возглавляемый Джемалем Талабани, не смогли найти общий язык в рамках принципа паритета, на основе которого там осуществлялось административное управление. Дело дошло до кровопролитных вооруженных столкновений. Обе стороны продемонстрировали острый дефицит политической культуры общекурдского патриотизма, они оказались неспособными отдать безусловный приоритет глобальным национальным интересам перед традиционным племенным

и религиозным партикуляризмом, персональными амбициями отдельных лидеров. Хуже всего, что каждый из них обратился за помощью к злейшим врагам курдского национального движения: ДПК — к Саддаму Хусейну, ПСК — к тегеранскому режиму, что, естественно, только усугубило конфликт и привела к угрозе утраты иракскими курдами плодов их многолетней самоотверженной борьбы. Кроме того, ни ДПК, ни ПСК не смогли так устроить взаимоотношения с ПКК и ее боевой организацией, чтобы исключить вмешательство самого сильного и опасного врага курдов — Турции в дела Южного Курдистана.

К сказанному следует прибавить, что самым опасным и нежелательным последствием этого конфликта при нынешнем раскладе сил на мировой и ближневосточной арене могла стать утрата доверия к руководству курдским движением в Ираке со стороны США и их союзникам, что поставило бы его перед катастрофой, К счастью этого не случилось (устранилась только Франция). Запад проявил понимание необходимости сохранения контроля над ключевой для него южной части Курдистана. США более или менее успешно выступают посредником в конфликте между ДПК и ПСК, что позволило преодолеть его наиболее острую стадию. Со своей стороны и конфронтирующие силы среди иракских курдов начали проявлять реализм и здравый смысл. Это дает надежду на то, что со временем обстановка в "Свободном Курдистане" нормализуется и что все положительное, достигнутое курдским движением в Ираке, будет восстановлено и сохранено. Позитивные и негативные уроки событий последних лет в Южном Курдистане должны послужить на пользу всему курдскому движению, а он сам должен сохранить свою роль очага освободительной борьбы во всем Курдистане.

Примечания

¹ В. Никитин. Курды, пер. с французского. М., 1964, с.72.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ ПОСЛЕ КОНФЛИКТА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

Богатейшая история курдского национального движения полна драматическими событиями, она изобилует самыми разнообразными формами самовыражения. Здесь присутствуют как общие черты национально-освободительной борьбы, так и специфические особенности, присущие курдскому национальному движению. Однако без преувеличения можно сказать, что современный этап курдского национального движения беспрецедентен. И не только потому, что борьба идет одновременно в Южном и Северном Курдистане. В двух определяющих ее судьбу главных факторах — внутреннем и внешнем, происходят весьма существенные изменения. Этот процесс многоплановый и труднопредсказуемый. Вполне естественно, что дальнейшая судьба курдского движения находится в прямой зависимости от расстановки сил, вовлеченных в борьбу вокруг курдского вопроса, степени активности их действий.

Для целостности постановки вопроса следует заметить, что хотя в разделенном Курдистане, в отдельных его частях формы самовыражения курдского национального вопроса имеют специфический характер и связаны с конкретными условиями данного государства, тем не менее это не исключает внутренне единый характер курдской национальной проблемы в целом. А это означает, что сама жизнь поставила задачу перед всем борющимся народом определить главный из фронтов общенациональной борьбы и занять адекватную к нему позицию. Уроки национальной борьбы в прошлом и учет конкретно-исторических обстоятельств современности, логика тенденций развития в Курдистане в целом приводят

к выводу о том, что на современном этапе такой главный фронт курдской национальной борьбы представляет Южный Курдистан, где прорыв в деле достижения, хотя и первых, но принципиально важных национальных прав, является свершившимся фактом. Теперь стоит судьбоносный вопрос о закреплении и развитии этих достижений. Этим обусловлен тот факт, что южнокурдские события сфокусировали на себе всеобщее внимание как в самом Курдистане, так и далеко за его пределами.

В начале 90-х гг. Южный Курдистан вступил в полосу новых бурных событий. Это был период, когда вследствие половинчатости и неполноценности автономии курдов между Багдадом и курдскими национальными силами продолжался длительный и острый конфликт. Важно подчеркнуть, что в целом реализация автономного статуса курдского народа в Ираке с самого начала была сопряжена с рядом трудностей, из которых выделялись три главные:

а) автономному статусу предстояло испытание в регионе с пестрым этно-конфессиональным составом, да к тому же с господством исламского традиционализма, при котором в определении положения народов, исповедующих ислам, приоритетная роль отдается не национальным, а религиозным факторам:

б) признание за нетитульным народом или национальным меньшинством национальных автономных прав является демократическим по характеру актом, в связи с чем во весь рост встал важнейший вопрос о реальности его осуществления в стране, где отсутствовали демократические традиции и правопорядки:

в) провозглашение автономии курдов в Ираке, при полном бесправии их многомиллионных соплеменников в Турции, Иране и Сирии, вызвало резко отрицательную реакцию правящих кругов названных государств, которые, как и ожидалось, пустили в ход все средства для срыва планов автономии. Наконец, для судьбы автономии курдов большое значение имел принципиальный вопрос о том, как будет вести

себя правящий режим после прекращения вооруженной борьбы курдов. В связи с этим следует учесть, что одно дело, когда инициатива или идея автономии исходят от правящего режима и вытекают из его политических и идеологических установок, и совсем другое, когда автономные права приобретаются посредством упорной вооруженной борьбы, т.е. правящий режим идет на это не добровольно, а вынужденно. Не случайно, что еще в середине 60-х годов в разгар вооруженной борьбы за автономию лидер курдов Мустафа Барзани выдвинул идею международных гарантий автономии курдов (тогда лидер курдского движения как возможных гарантов называл три государства — Египет, Индию и СССР).

С таким грузом проблем "на курдском фронте" саддамовский режим совершил агрессию против Кувейта, что вызвало резко отрицательную реакцию против Ирака как в регионе, так и далеко за его пределами. В лице быстро сформировавшейся антисаддамовской коалиции патриотические силы Южного Курдистана приобрели естественного союзника. Напомним, что после нанесения сокрушительного удара по вооруженным силам Саддама США и ведущие державы антисаддамовской коалиции заявили о защите оппозиционных Багдаду курдов, а также шиитов на юге Ирака от возможных воздушных и артиллерийских обстрелов. Поражению Саддама последовали бурные и драматические события в Иракском Курдистане. Здесь на авансцену вышла сила, до этого отнесенная к антинациональному лагерю. Речь идет о более чем 300 тыс. курдах, которые в различных областях несли службу у официальных иракских властей. В феврале 1991 г. благодаря действиям именно этих сил за короткий срок был освобожден почти весь Иракский Курдистан и открылся широкий простор для деятельности курдских патриотических партий и организаций.

Переход всего Южного Курдистана под контроль самих курдов вызвал тревогу и замешательство не только в Багдаде, но и в Анкаре, Тегеране и Дамаске. Антикурдская кампания этих государств началась с их заявления об "угрозе

территориальной целостности Ирака". Началась лихорадочная деятельность широкого масштаба против предполагаемых изменений в Южном Курдистане. Как впоследствии выяснилось, для приостановки "тревожных процессов в Курдистане" в тот момент продуктивным оказался так называемый "шиитский фактор". При активнейшем участии иранских спецслужб вслед за событиями в Курдистане быстро был разыгран сценарий о планах "утверждения исламского фундаментализма на юге Ирака". По инспирации Ирана шииты Ирака развернули борьбу против Саддама. При этом муссировалась идея утверждения исламского фундаменталистского режима в Ираке, что не на шутку встревожило западные державы, прежде всего США. Для последних это стало предметом главной заботы. Дабы предоставить возможность Саддаму расправиться с проиранскими шиитами и ликвидировать угрозу фундаментализма в Ираке, США с одобрения Турции и других государств антииракской коалиции, вопреки своим недавним обещаниям, оставили курдов один на один с вооруженной до зубов армией Саддама. Последовала жесточайшая расправа саддамовского режима над курдами, похожая на геноцид. Более 2,5 миллионов курдов оказались под бомбежками и обстрелами. Опасаясь нового применения химического оружия массового поражения, они оставили свои места обитания, перешли турецкую и иранскую границы, перенесли неопишуемые ужасы холода, голода, эпидемий и массовой гибели, особенно детей. Трагедия курдов вызвала протесты и гнев международной общественности, адресованные прежде всего администрации Буша, которого обвинили в предательстве в отношении курдов.

Предполагаемый механизм сработал. Расправившись с курдами, Саддам направил свои силы против шиитов на юге Ирака. Их движение было потоплено в крови. Получилось так, что результатами этой кровавой вакханалии объективно остались довольными как страны "антикурдского блока", так и "антисаддамовская коалиция". США и их союзники в итоге всего случившегося избавились от гипотетической уг-

розы "фундаментализма", для Тегерана же (и его союзников по антикурдской борьбе) поражение шиитов и кровавые репрессии против них были умеренной платой за более важный и опасный для них курдский вопрос, который получал шансы нового развития с опасными, с их точки зрения, последствиями.

В этих условиях британское правительство (по всей видимости с подачи США), поддержанное французским, предложило: с целью создания условий для возвращения курдских беженцев на свою родину создать на севере Ирака "зону безопасности", пользующуюся международной опекой, которая в дальнейшем должна была стать основой автономии курдов. Правительства Англии, Франции, Германии, поддержанные США и рядом других европейских стран, выступили своего рода гарантами безопасности иракских курдов. Решением Совета Безопасности ООН № 688 зона к северу от 36-й параллели охранялась силами быстрого реагирования названных выше стран. Вследствие всего случившегося вопрос об автономных правах курдов в Ираке ставился в новой плоскости.

Вероломство Багдада при выполнении договоренностей 1970 г. с курдами, что нашло выражение в ущербном законе № 33 от 11 марта 1974 г. об автономии не всей, а части Иракского Курдистана, ее ограниченный политический характер, дальнейшие вольности Саддама и его режима с "автономным статусом", насилия и вседозволенность по отношению к населению "Курдского автономного района" привели к полной дискредитации самой идеи автономии. Вся политика иракского правящего режима и его акции по "решению вопроса об автономии курдов" дают полное основание считать, что механизм, формы и методы решения этой проблемы оказались несостоятельными.

В новых условиях саддамовский режим с фактического одобрения соседних стран всячески старался парализовать деятельность властных структур в Южном Курдистане. Из Курдистана были вызваны все специалисты и чиновники. В

сложившейся ситуации необходимо было безотлагательно приступить к созданию новых национальных структур власти.

8-го апреля 1992 г. политическое руководство Фронта Южного Курдистана (в него входили все основные курдские партии) одобрило "Устав выборов в национальный парламент Курдистана". По уставу предусматривался выбор 105 депутатов. Устав предусматривал 7% барьер для прохождения представителей партий в парламент. Это фактически преграждало путь в парламент многим партиям. Как и ожидалось, немногочисленные по составу партии не смогли преодолеть этот барьер и оказались вне состава парламента. Это стало одним из серьезных изъянов в деле выбора парламента и образования правительства. Наряду с этим был принят "Устав выбора Главы курдского освободительного движения", своего рода президента Южного Курдистана. На пост главы курдского освободительного движения было выдвинуто 4 кандидатуры — Масуд Барзани, Джелаль Талабани, Махмуд Осман и Осман Абдулазиз.

Состоявшиеся 19 мая 1992 г. выборы в Южном Курдистане дали следующие результаты: за представителей ДПК проголосовало 45,26% избирателей, за ПСК в союзе с Партией трудящихся Курдистана — 43,8%. Вошедшие в парламент две ведущие партии решили 100 парламентских кресел разделить по принципу 50/50, из остальных 5 мест — 4 были отданы ассирийцам, 1 — христианам.

Из четырех кандидатур на пост Главы курдского освободительного движения никто не набрал необходимых 50% + 1 голос. Было объявлено, что будут проведены новые выборы, но потом отказались от этой идеи.

Выборы в парламент по праву считались большим успехом Южного Курдистана в процессе заложения основ национальной государственности. В то же время тот факт, что ни лидер ДПК, ни лидер ПСК не только не были избраны фактическим главой Южного Курдистана, но оказались вне состава парламента и правительства, создало немало неудобств

в деле определения их мест в политической жизни. Ибо лидеры ДПК и ПСК продолжали играть решающую роль в определении позиций этих ведущих партий в политической жизни Южного Курдистана, и в то же время официально не были представлены в государственных структурах. В связи с этим было высказано мнение, чтобы лидеры ДПК и ПСК заняли соответственно посты глав парламента и правительства. Однако помимо их согласия или не согласия на этот счет, стоял вопрос легитимности этого акта. Дело в том, что Масуд Барзани и Джемаль Талабани баллотировались на пост главы курдского освободительного движения и тем самым оказались вне состава парламента, что не давало права занимать должность спикера парламента или премьер-министра. А нарушать закон не хотелось.

Для выхода из этого тупикового положения парламента решил образовать Высший комитет, в который должны были войти Масуд Барзани, Джемаль Талабани, председатель парламента, премьер-министр и по 2 человека из членов политбюро каждой партии. Это "соломоново решение", возможно, могло сыграть положительную роль в деле налаживания эффективной деятельности госструктур в различных областях, в том числе и предотвращении конфронтации между ведущими партиями. Но это решение так и осталось неосуществленным.

4 июня 1992 г. Национальная ассамблея Курдистана сформировала правительство, в котором один министерский пост занял ассириец. 4 октября 1992 г. Национальная ассамблея приняла важнейшую декларацию о федеративном союзе. В ней, в частности, говорилось, что в нынешних условиях "курдский народ единодушно решил свою судьбу и правовые отношения с центральной властью строить на основе федеративного союза в составе демократического Ирака".

Эти события фактически ознаменовали новый этап в развитии курдского национального движения. Продолжая де-юре оставаться частью иракского государства, де-факто Южный Курдистан пользовался независимым положением. Не-

смотря на экономические трудности, разруху, связанную с военными действиями, острую проблему материального обеспечения населения, в Южном Курдистане наблюдался невиданный подъем патриотических настроений, вера в благоприятном исходе событий в свободном курдском анклав.

В этой благоприятной обстановке в Южном Курдистане стали функционировать национально-государственные структуры на местах. Налаживались нормы, регулирующие отношения центра — Эрбиля с местами. Были предприняты первые шаги для обеспечения жизнедеятельности в социальной и экономической жизни. Начался процесс становления системы образования на всей контролируемой курдами территории. Решением парламента и правительства открылся третий, после Сулейманийского и Эрбильского, университет в г. Дхоке. С 1993 по 1994 гг. парламента Южного Курдистана развернул эффективную законодательную деятельность. За этот период были приняты более 100 законов и решений, в том числе такие важные, как законы "О печати", "О телевидении", "О партиях", "О земле и земельной реформе" и другие. Стали формироваться таможенная и ряд других служб, регулирующие вопросы внешних контактов.

27-31 октября 1992 г. состоялся конгресс оппозиционных сил Ирака, в заявлении которого отмечалось, что его участники "выступают в поддержку процесса демократизации в Иракском Курдистане, в особенности решения национально-го парламента в федеративном строе Ирака".

Процесс демократических преобразований, налаживание социально-политической и экономической жизни в Южном Курдистане происходили в сложных условиях. В результате ирано-иракской войны, опустошительных карательных действий иракских войск Южный Курдистан представлял огромный район с разрушенной инфраструктурой, массой нерешенных проблем. Основа экономики — сельское хозяйство — пришло в упадок. Сотни тысяч курдов оставались без крова и средств существования, а новые структуры были не в состоянии в полной мере удовлетворить их потребности. Ос-

тавались неиспользованными богатейшие резервы животноводства. Достаточно отметить, что вследствие военных действий, применения отравляющих веществ, массовых грабежей поголовье в одном лишь овцеводстве сократилось с 5 млн. до 500 тыс. Сотни тысяч гектаров плодородных земель не обрабатываются из-за того, что во время ирано-иракской войны, последующих военных операций, они были заминированы. Для расчистки этих территорий от смертоносной опасности у курдских властей не было ни средств, ни возможностей. Вдобавок ко всему этому Курдистан подвергался губительным последствиям двойной блокады.

Помимо этого многие сложности для Южного Курдистана возникли из-за позиции Турции. Формально находясь в числе государств, определяющих судьбу Южного Курдистана против козней саадамовского режима, она фактически весьма активно чинила трудности и препятствия для Южного Курдистана не только в политической, но и экономической областях. Как известно, одним из важнейших отраслей экономики Южного Курдистана является табаководство. Однако фабрики табачных изделий в Эрбиле и Сулеймании не действовали из-за отсутствия некоторых производственных составляющих, поступающих из Турции. Эрбильская табачная фабрика за весь 1993 г. работала только 16 дней. Турецкие власти безо всякого на то оснований в 1992 г. в Мерсине задержали купленные за большую сумму денег фильтры для сигарет, и не пропускали их в Южный Курдистан. По причинам такого же характера не работала или работала лишь частично фабрика шерстяных изделий в Кифри. Фабрика по производству одежды в Сулеймании бездействовала из-за отсутствия ткани, которая была куплена в Газиантепе, но турецкие власти не давали возможности перевезти ее в Южный Курдистан. Под незаконным арестом турецких властей оставались 15 тонн полиэстера "Тоне", приобретенные курдскими предпринимателями в Адане. Это частица того, что делали турецкие власти для создания экономических трудностей в Южном Курдистане. Вполне естественно, что экономичес-

кие трудности, безработица, малообеспеченность представляли благоприятную почву для нагнетания недовольства, различного рода акций, идущих наперекор процессу становления национальной государственности.

Положение усугублялось отсутствием подлинного и эффективного национального единства — первейшего условия решения названных выше проблем. Речь идет прежде всего об отношениях ДПК и ПСК, делающих политическую погоду в Курдистане. Единство действий этих партий, столь успешно обеспечившее проведение выборов в парламент, создание национального правительства, длилось недолго. Со временем все больше давало о себе знать стремление к удовлетворению узкопартийных интересов. Благо тому объективно способствовал принцип 50/50, лежащий в основе представительства двух партий в государственных структурах. Практика показала, что эффективность этого принципа исчерпала себя после проведения парламентских выборов и начального периода создания национально-государственных структур. В дальнейшем противоречия между ДПК и ПСК, взаимное недоверие и подозрительность нагнетали обстановку и привели их к разным сторонам баррикад. Примечательно, что соперничество между этими ведущими партиями нередко серьезно мешало подбору умелых кадров на ответственные посты. В ряде случаев при решении этого вопроса в основу брались не профессиональные качества и важнейшее требование о компетентности, а партийная принадлежность, дабы обеспечить присутствие двух партий по принципу паритета. Губительные последствия этого принципа проявились особенно в вопросе создания национальных сил самообороны. Формально таковые были созданы, а фактически эти отряды представляли или пешмарга ДПК, или ПСК.

Не следует сбрасывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что долгие годы находясь в процессе вооруженной борьбы, кадры ДПК и ПСК порой с трудом справлялись с задачами мирного строительства, огромной массой сложных, нередко неординарных проблем социально-политической и

экономической жизни. Все это относилось к руководству названных партий, на которое обрушилась масса сложнейших внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем. Наконец, руководство Южным Курдистаном весьма вяло привлекало курдских специалистов, по разным причинам находящихся в диаспоре. Имеющиеся материалы и факты позволяют заметить, что в нагнетании, а в дальнейшем провоцировании вооруженного конфликта между ДПК и ПСК свою роль играли и продолжают играть некоторые коррумпированные элементы, провокаторы, преследующие корыстные, клановые и эгоистические цели, не имеющие ничего общего с интересами курдского движения.

Совершенно очевидно, что вооруженный конфликт, начавшийся между ДПК и ПСК в мае 1994 г., нанес весьма чувствительный удар по курдскому национальному движению. Раскрытие основных причин и непосредственных поводов этих драматических событий предмет особого исследования. Но здесь нельзя не обратить внимание на время начала вооруженного конфликта. В мае 1994 г. должны были состояться очередные (уже вторые) выборы в парламент Южного Курдистана. Тем самым создавались бы благоприятные условия для дальнейшей легитимизации органов власти в Курдистане, что ознаменовало бы важнейший шаг на пути достижения целей, поставленных курдскими национальными силами. Совершенно очевидно, что в деле начала конфликта именно в этот период были весьма заинтересованы соседние государства. Можно предположить, что в самом Курдистане в провоцировании этих драматических событий больше была заинтересована та из конфликтующих сторон, которая имела меньше шансов на победу в предстоящих выборах. Развернув широкомасштабную и энергичную деятельность против процесса создания национально-государственных структур в Южном Курдистане, внешнеполитические ведомства и особенно спецслужбы государств, разделивших Курдистан, в данный конкретный момент преследовали две цели: а) провалить выборы в парламент Курдистана и тем самым пре-

рвать развитие важнейшего процесса формирования органов самоуправления: б) посредством дестабилизации обстановки в Южном Курдистане, разжигания внутрикурдских противоречий, их "афганизации" разубедить международное сообщество и великие державы от появившихся намерений поддерживать требования курдов.

Расчет был прост: никто не связывает свои планы с раздирающимися внутренними противоречиями движением. Как бы то ни было, конфликт, судя по имеющимся фактам, вышел за рамки противоборства двух партий. Под вопрос была поставлена вся судьба курдского национального движения, с реальной опасностью большого проигрыша, потери редчайшего шанса достижения прав самоопределения в одной части разделенного Курдистана. Сам характер событий в Южном Курдистане вызвал большую тревогу среди всего курдского народа и поддерживающих его дружественных сил в мире. В Южном Курдистане господствующее положение занимала то одна, то другая из противоборствующих сторон. Было глубоко трагично, что соседние государства оказывали поддержку противоборствующим сторонам в их борьбе друг против друга. При проведении этой политики четко прослеживалась тактическая линия, при которой не допускалось абсолютное верховенство одной курдской партии над другой. Соседних государств интересовала непрерывная, изнурительная борьба, приводящая к истощению национальных курдских сил, их дискредитацию на международной арене.

В настоящее время в Южном Курдистане и вокруг него сложилась сложная, неординарная с точки зрения прогнозируемости, ситуация. Совершенно очевидно, что ее судьба зависит от двух факторов — внутреннего и внешнего. Следует заметить, что в силу ряда причин труднопрогнозируемы как внутренние, так и внешние факторы. Судьба борьбы курдов зависит прежде всего от сплоченности курдских национальных сил. Вполне естественно, что основой достижения этого единства в Южном Курдистане является прекращение прежде всего вооруженного конфликта между ДПК и ПСК. Сле-

дует исходить из объективного фактора о том, что устранение одной из противоборствующих сторон другой силовым методом невозможно. Следовательно компромиссное решение проблем взаимоотношений является велением времени и важнейшим фактором прекращения губительного для курдского движения вмешательства соседних государств. Судя по поступившим сообщениям, положение внутрикурдских дел зависит также и от позиции других курдских партий и организаций.

Особенно настораживает активизация так называемого исламского фактора. В настоящее время в Южном Курдистане действуют несколько исламских партий. Они поддерживаются Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Цели и задачи этих партий дают повод для нерадостных размышлений. Несмотря на заявления этих партий об их преданности национальным идеалам курдов нельзя не принимать во внимание два важных, на наш взгляд, момента, проливающих свет на мотивы появления этих партий на политической арене: 1) исламские партии в Курдистане в своих программных документах зафиксировали идею о том, что они являются частью всего исламского движения. Напрашивается принципиальный вопрос о том, как это увязывается с тем общеизвестным фактом, что все более чем 18 международных исламские организации поддерживают находящиеся в разных конфликтах народы, исповедующие ислам, за исключением курдов: 2) предполагаемых государств или организаций, финансирующих эти партии, никак нельзя отнести к числу сторонников справедливого решения курдского вопроса.

Другой важный внутрикурдский аспект касается треугольника ПКК — ДПК — СПК.

К сожалению, в момент создания парламента и правительства Южного Курдистана ПКК была единственной из всех курдских национальных партий, выступающей против них. До настоящего времени не улажены противоречия между ПКК — ДПК, ПКК — ПСК. Противоречия, нередко перехо-

дящие в конфликты между ПКК с одной стороны, и ДПК и ПСК с другой, обусловлены двумя причинами:

ПКК игнорирует резонные претензии южнокурдских партий на то, что нахождение его лагерей в приграничных районах Южного Курдистана и совершаемые оттуда атаки на различные объекты на турецкой территории дают повод турецким вооруженным силам вторгаться в южнокурдские приграничные районы. Известно, что за последние 10 с лишним лет турецкие войска и авиация десятки раз вторгались в Иракский Курдистан. Во время этих операций Турция наносит удары не только, а в некоторых случаях не столько, по базам ПКК в Южном Курдистане, сколько по мирным курдским селениям. Целью этих операций, помимо нанесения ударов по силам ПКК, было нанесение урона и Южному Курдистану и без того трудно справлявшемуся со своими социально-экономическими проблемами, а также нагнетание противоречий между ПКК и южнокурдскими партиями и властями. Анкара всячески разжигает противоречия между ведущей силой освободительной борьбы курдов в Турции — ПКК с одной стороны, и южнокурдскими национальными силами — с другой как весьма удобное средство нанесения удара по курдскому движению в целом.

Нормализации отношений между ПКК и южнокурдскими партиями мешают так же и политические установки ПКК, в частности, нескрываемые претензии на главенствующую роль в общекурдских делах, ее активное вмешательство во внутренние дела "Свободного Курдистана".

Нет сомнений, что преодоление противоречий и объединение усилий ПКК и южнокурдских партий стало бы важнейшим стимулятором развития курдского национального движения. Именно этим обусловлено то, что Турция и ее партнеры по антикурдскому блоку делают все возможное, чтобы помешать сближению ПКК с южнокурдскими партиями и властями.

При анализе причин, мешающих сплочению курдских национальных сил, следует подчеркнуть, что преградой на пути достижения национального единства служат не только обстоятельства, о которых уже было сказано выше.

Сегодняшние события, приведшие к возникновению противостояния в среде курдских национальных партий, обусловлены рядом факторов. Несомненно, среди подавляющего большинства курдского населения господствует дух патриотизма, многие готовы отдать все ради достижения национальных целей. Как и в прошлом, национальная борьба курдов полна примерами мужества и героизма. Однако современные реалии таковы, что одной преданностью национальным идеалам, готовностью отдать жизнь за них, цель не может быть достигнута. К сожалению в значительных слоях курдского населения все еще низка политическая культура. При такой ситуации преданность делу курдов и Курдистана для многих выражается в слепой преданности лидеру, вождю, партии или организации, тактика и стратегия которых нередко грешат серьезными недостатками, отсутствием всесторонне взвешенных оценок факторов, решающих судьбу борьбы курдов. Многие документы и материалы ряда курдских национальных партий, в частности ПКК, изобилуют установками и положениями популистского характера, многие их так называемые "теоретические установки" не имеют ничего общего с конкретной обстановкой и реалиями Курдистана, борющиеся массы ориентируются на сиюминутные и сомнительные эффекты. В результате игнорируется конкретно-историческая реальность. А она такова, что исключает достижение частичного, и, тем более полного самоопределения курдов и Курдистана в виде единовременного акта или события. Это — процесс, причем длительный и нелегкий и каждый шаг в этом направлении требует конкретного подхода. Смутное представление о средствах и путях достижения целей национальной борьбы приводит к упрощенным и примитивным представлениям о механизмах и путях их реализации. Это и является одной из причин, приведших

к трагическим ситуациям, при которых курдские патриоты стреляют друг в друга. Свою роль играет и то обстоятельство, что на мусульманском Востоке все еще присутствует культ силы, что при возникновении конфликтных или спорных ситуаций вытесняет другие цивилизованные формы и методы нахождения общих точек согласия и сотрудничества.

Каковы же расстановка и планы сил, вовлеченных в южнокурдский узел, и каков реальный путь решения проблемы?

Как бы ни был сложен и противоречив внешнеполитический фактор, присутствие в нем международного сообщества можно отнести к тем положительным моментам, которые могут при благоприятном стечении обстоятельств сыграть свою роль на пути решения курдского вопроса. Не случайно, что этот фактор серьезно беспокоит соседние государства. В настоящее время из государств региона, вовлеченных в южнокурдский узел, наибольшую опасность представляет Турция. Она находится в мучительных поисках: как определиться в курдском вопросе на современном этапе? Стратегическая цель Турции о недопущении выхода курдского вопроса на международную арену остается неизменной. В то же время она не может не считаться с нынешними реалиями, в частности, с тем фактом, что в Иракском Курдистане, пусть в трудных муках, но идет процесс становления основ курдской государственности, в Турецком Курдистане не утихает волна освободительной борьбы курдов, разворачивается партизанская борьба, репрессии против турецких курдов нередко осуждаются в западных странах. Все это серьезно беспокоит Анкару. Предпринимаемые Турцией меры свидетельствуют о том, что турецкая дипломатия и спецслужбы всячески мешают созданию основ курдской государственности. Гипотетическая идея создания федерации Турции с Южным Курдистаном, выдвинутая еще покойным Озалом, стремление создать так называемую "зону безопасности" (причем не на турецкой, а в иракской части Курдистана) для борьбы против отрядов ПКК, интриги, связанные с появившимися не-

давно планами "о правах туркоманов (туркмен) в Южном Курдистане" и ряд других планов Турции свидетельствуют о том, что она фактически играет роль главного координатора создания преград на пути самоопределения курдов и в дальнейшем. В целом тот аспект внешнеполитического фактора, который относится к позициям Турции, Ирана и Сирии, в дальнейшем вряд ли потерпит изменения. Мотивы враждебного антикурдского характера этой деятельности достаточно хорошо известны. Что касается той части внешнеполитического фактора, который относится к позициям США, европейских держав, ООН и, наконец России, то здесь многое окутано туманом неопределенности, и тем самым трудно предсказуемо. Тем не менее примечательным является то, что названные выше державы и международное сообщество вплотную подошли к необходимости реалистической оценки места и роли курдского фактора в регионе и международной жизни в целом. Очевидно, что современное состояние и "тем более перспективы курдского вопроса в значительной степени зависят от позиции США и других западных держав, с одной стороны, и России, с другой.

Военно-политические и дипломатические акции западных держав, в частности, США, по курдской проблеме ныне обусловлены двумя факторами: а) поскольку значимость курдской карты в Западной Азии возрастает и все больше занимает значительное место на международной арене, США и их союзники стремятся обеспечить защиту интересов западных держав при вероятных изменениях в этом регионе. А это, как нетрудно заметить, не может произойти без учета интересов курдских национальных сил — активных (порой и решающих) участников этих процессов: б) Запад стремится закрепить свое влияние на курдский фактор в этом регионе, который и после урегулирования араба-израильского конфликта будет оставаться весьма чувствительным узлом самых широких и разнохарактерных мировых интересов. Вполне естественно, что отношение курдских национальных сил к присутствию этой третьей силы в регионе прямо будет за-

висеть от политики правящих режимов по отношению к курдам и их национальной проблеме.

Активизация роли США и других западных держав у южных границ России вызывает в определенном смысле понятное раздражение ее руководства. Однако вместо предпринятия логических мер, призванных в таких условиях обеспечить присутствие и реализацию интересов России, естественно, с учетом интересов курдов, во внешнеполитических акциях России, в СМИ все еще проявляются старые стереотипы и оценки о курдском вопросе, которые заметно отстают от реалий сегодняшнего дня. До настоящего времени нет конкретных аргументов о новых подходах новой России к старой курдской национальной проблеме, о пересмотре старых волонтаристских и ангажированных оценок и подходов к курдскому национальному движению.

В позициях как западных держав, так и России постоянно присутствует политика двойного стандарта, при которой курдский национальный вопрос более или менее поддерживается в одной части разделенного Курдистана и игнорируется в других его частях.

В настоящее время более или менее известны позиции США и западных держав (можно предполагать и ООН), а также России по курдскому вопросу в Ираке. Судя по официальным документам и заявлениям внешнеполитических ведомств вышеуказанных держав общим (и весьма важным) в их позициях является то, что все они фактически признают недостаточный с юридической точки зрения статус автономии курдов в Ираке и выступают (по крайней мере на словах) за ее расширение и конкретизацию.

Как представляют они форму внутреннего самоопределения курдов и пути его реализации? О позиции США и их западноевропейских союзников можно судить по их отношению к решению южно-курдского парламента и правительства в 1992 г. о том, что курды видят реализацию своих национальных прав в федеративном иракском государстве. Есть все основания полагать, что эти решения одобрительно вос-

приняты США и их западноевропейскими союзниками. Позиция России по правовому положению курдов в Ираке отражена в заявлении МИД РФ от 14 октября 1996 г., где подчеркнуто, что Россия выступает за "полноценную автономию Курдистана в рамках единого и суверенного иракского государства".

Отдавая должное позициям США и их западноевропейских союзников, а также России по поддержке идеи полноценной автономии курдов в Ираке, в то же время настораживает своего рода противоречивость, а еще точнее, неопределенность в подходах к реализации автономных прав курдов. Так, США и их союзники, выражая свою приверженность к планам полноценной автономии курдов (в виде федерации и т.д.) одновременно подчеркивают необходимость государственной целостности Ирака. На фоне этого нелогичны призывы США к руководству ДПК порвать всякие связи с Багдадом, то есть с государством, в составе которого должны осуществляться национальные права курдов. В позиции России по этому вопросу настораживает акцент на то, что вопрос об автономии курдов следует отнести к разряду исключительно внутренних проблем Ирака, хотя современная международная практика дает множество примеров того, что идея территориальной целостности, государственного единства не является помехой для контролирования со стороны международного сообщества соблюдения прав человека и народов. Как нетрудно заметить, и в первом, и во втором случаях государственные интересы этих держав ставятся на первом плане в отношениях с Ираком, вследствие чего их позиции по курдскому вопросу носят двоякий и неопределенный характер.

Курдская позиция в обсуждаемом конфликте нам представляется следующим образом:

а) Поскольку иракская правительственная модель автономии курдов (закон № 33 от 11 марта 1974 г.) не сработала и ее несостоятельность стала свершившимся фактом (кстати, этот факт нехотя признают и лидеры Ирака) наиболее пер-

спективная форма реализации национальных прав курдов является федерация, при создании которой должны быть урегулированы те нерешенные территориальные и политические проблемы, которые привели к срыву планов автономии курдов и стали причиной долгого изнурительного конфликта.

б) Диалог и согласование условий самоуправления курдов с иракским правительством должны вестись объединенной делегацией курдов, включающей все курдские национальные силы, прежде всего ДПК и ПСК. Ибо в случае исключения какой-либо курдской партии или организации из процесса урегулирования противоположная сторона и соседние государства неизбежно будут использовать их для начала нового витка внутрикурдских конфликтов.

в) Учитывая опыт прошлого, непредсказуемость внутренних и внешних факторов, могущих негативно повлиять на положение курдов, сама жизнь диктует необходимость создания своего рода международного органа (в составе США, России и др.) как гаранта самоуправления курдов.

Итак, необходимость решения курдского вопроса в Ираке является велением времени, и она диктуется двумя важнейшими уроками прошлого:

а) практика доказала невозможность решения курдского вопроса силой оружия:

б) сохранение мира и стабильности в западноазиатском регионе невозможна без решения курдского вопроса.

МЕЖКУРДСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

Ввод Багдадом своих войск на территорию Иракского Курдистана в конце августа 1996 г. стал серьезным событием в истории национально-освободительного движения курдов Ирака за последние несколько лет. На первый взгляд, ничего особенного, казалось бы, не произошло. Ирак суверенное государство, и его правительство имеет полное право направить свои воинские части или соединения в любой район собственной страны. Однако в той ситуации, которая сложилась к августу 1996 г. в Иракском Курдистане, ввод в этот регион на несколько дней двух дивизий элитной Республиканской гвардии в сопровождении около трехсот танков вызвал, по мнению ряда западных аналитиков, существенные и, в какой-то мере, необратимые изменения во внутривнутриполитической обстановке на севере Ирака.

Правительственные войска покинули территорию Иракского Курдистана в конце 1991 г. под давлением многонациональных сил. По неофициальному соглашению между "Фронтом Иракского Курдистана" — объединением основных курдских партий Ирака — и Багдадом между "Свободным Курдистаном" и остальной частью Ирака была установлена граница, проходившая по 36-му градусу северной широты. В отношении губернаторств Сулеймания, Эрбиль и Найнава были, однако, сделаны исключения. Территории большей части губернаторства Сулеймания и части губернаторства Эрбиль находятся к югу от 36-го градуса, зато значительная часть территории губернаторства Найнава — к северу от 36-й параллели. По этому соглашению Багдад передал управление всей территорией губернаторств Сулеймания и Эрбиль (также, как и губернаторства Дохук, расположенно-

го к северу от 36-й параллели) курдским органам самоуправления, то есть самопровозглашенному "Федеральному округу Курдистан", образованному на территории бывшего курдского автономного района, часть же территории губернаторства Найнава, расположенная к северу от 36-й параллели, осталась в ведении Багдада. Воздушные полеты к северу от 36-го градуса с.ш. были запрещены для всех стран, включая и Ирак. До конца 1996 г. "воздушный зонт" многонациональных сил — авиация США, Великобритании и Франции — около 50 боевых самолетов, дислоцированных на военно-воздушной базе Инджирлик в юго-восточной Турции, обеспечивал безопасность населения курдского региона Ирака. С 1997 г. на смену многонациональным силам пришла "миссия воздушного наблюдения", которую осуществляют самолеты США, Великобритании и Турции¹. Граница, отделившая территорию курдского региона от основной части территории Ирака, протяженностью 550 км, была оснащена с иракской стороны линией укреплений с заслонами и минными полями. В октябре 1991 г. правительство Ирака объявило военную и экономическую блокаду курдского региона.

Во главе Иракского Курдистана с 1992 г. находятся парламент и правительство. Фактически же власть в курдском регионе Ирака поделена между двумя ведущими политическими партиями Демократической партией Курдистана (ДПК), возглавляемой Масудом Барзани и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), лидером которого является его основатель Джеляль Талабани. Примерно две трети территории региона — на востоке — находилась под контролем ПСК, а оставшаяся треть, на северо-западе, под контролем ДПК. В середине 1994 г. в курдском регионе вспыхнули ожесточенные бои между отрядами сторонников обеих партий за установление каждой из них единоличного контроля над всем Иракским Курдистаном. Одной из главных причин начавшегося межкурдского вооруженного конфликта в Ираке заключалась в отказе М. Барзани делить с ПСК доходы, получаемые его партией в виде таможенных сборов с автома-

шин, проезжающих через контрольно-пропускной пункт Ибрагим-Халиль у моста через р. Хабур на Ирако-турецкой границе. Через этот пункт проходит важный в стратегическом отношении сухопутный торговый путь из Ирака в Турцию и далее — в страны Европы. Размер собираемых пошлин — от 100 тыс. до 250 тыс. долл. США в сутки, т.е. от 3 до 7,5 млн. дол. в месяц. Таможенные сборы у этого КПП составляют более 3/4 всех таможенных сборов курдского региона. По мнению ряда наблюдателей, хотя часть собираемых на КПП Ибрагим Халиль средств ДПК направляет на выплату заработной платы и финансирование своих партизанских отрядов, "есть предположения, что отдельные частные лица из числа руководства ДПК присваивают эти средства и пополняют свои счета в зарубежных банках"².

Обращенная к Багдаду просьба направить войска в Иракский Курдистан, исшедшая от лидера ДПК, была вызвана чрезвычайно тяжелым положением, в котором оказался М.Барзани в августе 1996 г. Под его контролем остался лишь район Бахдиан с центром в г. Дохук, вдоль границы с Турцией. Отряды Барзани подвергались атакам с тыла отрядами М.Талабани, которые использовали решающую поддержку иранской артиллерии и захватили ключевые позиции вдоль так называемой "дороги Гамильтона". Под вопрос была поставлена судьба отрядов ДПК. В то же время ПСК контролировал два крупнейших города региона — Эрбиль и Сулейманию и стал фактически управлять всем Иракским Курдистаном. В этой ситуации М.Барзани обратился к Саддаму Хусейну с призывом помочь в освобождении г. Эрбиль — центра курдской автономии — "от иранских агентов во главе с Д. Талабани". С. Хусейн немедленно воспользовался этим приглашением, ввел 30 августа свои войска, захватил г. Эрбиль и преследовал отряды ПСК до г. Сулеймания. Уже через несколько дней, 3-го и 4-го сентября, после ракетных обстрелов американцами военных объектов на юге Ирака правительственные войска покинули курдский регион.

М. Барзани заявлял, что его альянс с Багдадом имел разовый характер и был связан с освобождением г. Эрбиль от отрядов ПСК и свободен от каких-либо условий. М. Барзани утверждал, что он не подписывал какого-либо соглашения с С. Хусейном. Однако сводный брат С. Хусейна, Барзан ат-Тикрити, посланник Ирака в Женеве, утверждал, что существует план, составленный иракским президентом и что этот план готов для подписания. По мнению многих наблюдателей, власти в Багдаде и М. Барзани договорились об установлении определенного периода, в течение которого возможно заключение соглашения об автономии Иракского Курдистана. Почему ДПК, а не ПСК идет на подписание такого соглашения с Багдадом? По мнению ряда западных аналитиков, ДПК всегда была в большей мере, чем ее соперник — ПСК склонна к достижению компромисса с Багдадом³.

К каким последствиям привело открытое вовлечение правительственных войск в межкурдский конфликт на севере Ирака?

1. Поскольку эксперимент с самоуправлением курдов, в основном, оказался не очень успешным (некоторые западные аналитики даже называют его контрпродуктивным) ввиду многочисленных ожесточенных боев между курдами в этом регионе, особенно с середины 1994 г., в которых погибли около 3 тысяч человек, многие в Ираке считают, что Багдад не разрешит продолжать этот эксперимент, видимо считая, что страны Запада более не выступят на защиту нарождающейся курдской государственности.

2. Существует мнение, что приглашение, направленное М. Барзани президенту Ирака направить правительственные войска в курдский регион было хорошо просчитанным шагом и сделано было отнюдь не из-за безвыходного положения, в котором, якобы, оказались отряды ДПК в августе 1996 г. Известно, что почти 2/3 иракской нефти, ограниченный экспорт которой разрешен в рамках принятой в апреле 1996 г, резолюции № 966 СБ ООН "нефть в обмен на продовольствие", будет транспортироваться по ирако-турецкому нефтепроводу, проходящему частично по районам, контролируемым курдами-сторонниками М. Барзани. Курды, проживающие в зоне

этого нефтепровода, на северо-западе Ирака, полагают, что гарантируя безопасную транспортировку нефти по своей территории, они могут рассчитывать на получение от Багдада части прибыли от экспорта жидкого топлива. Как отметил один из экспертов ФРГ по Курдистану У.Тильгнер, "эта сделка М.Барзани с Багдадом — чистая экономика и к тому же довольно удачная"⁴.

3. Многие считают, напротив, что М. Барзани не питает каких-либо иллюзий и надежд в отношении багдадских властей. Окружение М.Барзани говорит, что главное теперь не в доверии, а в том, что в собственных интересах Багдада заключить соглашение на приемлемых для курдов условиях. Оказав помощь М.Барзани, Багдад прекратил пятилетнее эмбарго, которое препятствовало свободной поставке товаров и передвижению населения в курдский регион. Объявив амнистию всем курдским повстанцам и отменив ограничения на поездки и торговлю между курдским анклавом (частью анклава, находящейся под контролем ДПК) и остальной территорией Ирака Багдад показал свое стремление убедить курдов, что он хочет заключения такого соглашения, по которому они смогли бы жить в мире.

4. Несмотря на возвращение отрядами Д. Талабани спустя полтора месяца, в октябре 1996 г. большей части территории анклава, находившейся под их контролем, Багдаду удалось возобновить свой контроль над северной частью страны, включая стратегически важный торговый путь в Турцию. Угроза, что ДПК снова может обратиться к С. Хусейну за помощью для противостояния отрядам ПСК, удерживает их от дальнейшего продвижения вперед⁵.

5. Кратковременным вторжением в курдский район С. Хусейн добился ликвидации расположенной в г. Эрбиль базы антисаддамовского заговора, которую в течение четырех лет готовило ЦРУ США. Этой базой являлись вооруженные отряды, аппарат и новейшее оборудование "Иракского национального конгресса" (ИНК), созданного в 1992 г. в курдском районе в качестве правительства в изгнании, которое смогло бы взять в свои руки власть в стране в случае удачного за-

вершения заговора по свержению С. Хусейна. ИНК переживал с начала 1995 г. кризис, в основном из-за противоречий между иракскими курдами. Однако он успешно распространял антиправительственные листовки, книги, создавая телепрограммы и радиопередачи. В системе ИНК были заняты несколько сот человек, в основном лица, дезертировавшие из иракской армии. Более ста сотрудников ИНК были захвачены службой безопасности Ирака и казнены на месте, около полутора тысяч человек были вывезены в тюрьмы соседних провинций. Небольшое число офицеров ЦРУ США, которые находились в пригороде Эрбиля и работали вместе с ИНК по сбору информации, успели избежать плена, покинув этот район 30 августа и достигнув Турции через г. Захо.

6. Ввод правительственных войск ослабил Д. Талабани самого воинственного противника Багдада в курдском регионе в целом ослабил оппозицию на севере страны, внеся в ее ряды самый большой раскол⁶.

7. Ввод Багдадом своих войск в Северный Ирак привел к потере западными державами своего престижа. Несмотря на заверения представителей США и обстрел США иракских военных объектов на юге страны крылатыми ракетами, С. Хусейн направил войска в зону, находившуюся под защитой западных союзников и вывел своих солдат не ранее, чем его действия смогли серьезно подорвать доверие к политике государств Запада в Ираке. Эти события нанесли также удар по коалиции арабских государств с Западом. Очень редко в последние годы отношения между США и их арабскими союзниками были более напряженными.

8. Обстановка в Иракском Курдистане стала взрывоопасной, поскольку анклав стал как бы открытой зоной для потенциальных агрессоров. Войска Турции и Ирана вторгаются на иракскую территорию якобы с целью разгрома "своих" курдов, то есть отрядов Рабочей Партии Курдистана (Турция) или Демократической партии Иранского Курдистана, нашедших себе временное убежище в Ираке. Турция не отказалась от идеи создания на территории Иракского Курдистана "пояса безопасности", который протянулся бы вглубь

страны до подножья гор. 4 сентября 1996 г., то есть через несколько дней после ввода правительственных войск Ирака в курдский анклав Турция объявила приграничный район на территории Иракского Курдистана вдоль турецко-иракской границы "зоной опасности" в попытке помешать проникновению курдских партизан на ее территорию. Эта зона должна будет охраняться турецкой армией. США не поддержали этот шаг Турции, заявив, что он должен быть оценен в свете более широких проблем региональной безопасности. Глубина этой зоны, по мнению Турции, должна быть от пяти до двадцати километров. Сирия, Иран, Иордания и Египет единодушно выступили против этой инициативы Турции, МИД России призвал Анкару воздержаться от мер, которые могут поставить под вопрос территориальную целостность Ирака.

Иран направил в июле 1996 г. в Ирак колонну из двух тысяч "стражей исламской революции", которые вторглись на территорию соседнего государства на глубину около 250 км в Иракском Курдистане с целью захвата руководства ДПК. Запад никак не реагировал на это. Иран повторил свою акцию, послав 20 августа того же года в Иракский Курдистан войска, имеющие на вооружении реактивные установки "Катюша" и гаубицы калибром 130 и 150 мм. Эта артиллерия была возвращена в Иран спустя четыре дня, возможно из-за давления, оказанного странами Запада⁷.

У многих западных аналитиков вызывает беспокойство перспектива дальнейшего вовлечения Багдада в межкурдский конфликт на севере страны. В таком случае этот местный по существу конфликт может перерасти в региональный. Может получиться, что война между курдами Ирака может стать новой войной между Ираком и Ираном, поскольку Багдад поддерживает ДПК, растут серьезные опасения, что Тегеран будет в той или иной форме поддерживать ПСК. Хорошо известно, что Тегеран не простил С.Хусейну восьмилетней войны, которую вели между собой эти государства и которая обошлась им более, чем в миллион человеческих жизней. Поддержка Ираном отрядов Д.Талабани вполне может стать привлекательным способом мести без необходимости прямого вовлечения в военные действия.

В результате, к середине 1997 г. в наибольшем выигрыше от ввода правительственных войск в Иракский Курдистан осенью 1996 г. остался Багдад. Был нанесен урон авторитету ДПК. Проигрыш в военном отношении сводится к тому, что отрядам ДПК пришлось уступить отрядам Д.Талабани часть территории, захваченную осенью 1996 г. Проигрыш политический сводится к потере ДПК поддержки значительной части курдов. Даже те племена, которые традиционно поддерживали М.Барзани, в целом были шокированы действиями своего лидера. Отношения между обоими курдскими лидерами находятся (в начале 1997 г.) на самом низком уровне, то есть наихудшие. По мнению аналитиков, очень мало надежды, что эти два политических деятеля станут когда-либо работать вместе, рука об руку. М.Барзани посетил в сентябре Анкару для встречи с чиновниками госдепартамента США. Он предложил в обмен на отказ от заключения каких-либо политических соглашений с Багдадом более эффективную защиту курдов со стороны Запада. Однако заместитель Госсекретаря США по Ближнему Востоку Роберт Пелетро заявил, что "США не собираются защищать курдов от их собственного неудачного решения пригласить войска Саддама в анклав"⁸.

Однако в наибольшем проигрыше от раскола в Иракском Курдистане оказался курдский народ. Тысячи беженцев снова потянулись в осенние дни 1996 г. к границам Ирана, насчитывались сотни убитых пешмерга и многих мирных жителей.

К настоящему времени обстановка в Иракском Курдистане более или менее стабилизировалась. Военные действия между отрядами курдов прекратились. 30-31 октября 1996 г. в Анкаре прошли переговоры между ПСК и ДПК при посредничестве США, Великобритании и Турции. По итогам переговоров было подписано соглашение, включающее следующие статьи:

1. Сохранение суверенитета и территориальной целостности Ирака.
2. Судьба Ирака должна решаться свободным волеизъяв-

лением всех его граждан при соблюдении прав человека и политических прав, определенных резолюцией № 688 СБ ООН.

3. Соблюдение безопасности границ и территории Турции и других соседних с Ираком стран.
4. Отказ от помощи третьих сил в решении проблем и их вывод из зоны конфликта.
5. Определение зон влияния ПСК и ДПК по состоянию на 23 октября 1996 г. Для контроля за выполнением этого пункта необходимо присутствие наблюдателей.
6. Каждая сторона обязуется использовать свои силы только для защиты, но не для нападения друг на друга.
7. Создание военных сил наблюдателей, которые должны будут осуществлять контроль за соблюдением условий соглашения. В ряды наблюдателей должны быть включены представители других курдских партий, а также туркоман и ассирийцев.
8. ДПК и ПСК должны оказывать всяческое содействие и помощь силам наблюдателей.
9. В случае возникновения проблем между ДПК и ПСК их решением должна заниматься специальная комиссия, состоящая из представителей международных сил и местных наблюдателей.
10. Группа наблюдателей, состоящая из представителей США, Великобритании, Турции, ПСК и ДПК и сил внутренних наблюдателей будет иметь свой штаб в г. Анкара.
11. Каждый член группы наблюдателей имеет право обращаться с жалобами в комиссию по поводу любого случая несоблюдения соглашения.
12. Прекращение взаимных обвинений и оскорблений в СМИ и на телевидении.
13. Обмен военнопленными, заложниками, ранеными и убитыми.
14. Обе стороны обязуются совместно восстановить дороги, средства связи и линии электропередачи, обеспечить доставку гуманитарной помощи. Контроль за исполне-

нием этого пункта возложен на представителей ООН.

15. ПСК и ДПК должны обеспечить безопасность представителям ООН и других гуманитарных организаций, а также членов их семей.
16. Содействие возвращению беженцев и оказание им гуманитарной помощи независимо от партийной принадлежности и вероисповедания.
17. Турция, США и Великобритания также должны обеспечить помощь беженцам.
18. В следующем раунде переговоров о последующем устройстве региона должны принять участие все курдские партии, а также туркоманы и ассирийцы.
19. Сбор всех таможенных пошлин в единый центр для их последующего равномерного распределения по всей территории Курдистана.
20. Все силы, участвующие в переговорах, должны обеспечить впоследствии проведение демократических выборов в регионе.
21. Обе договаривающиеся стороны согласны не допускать существования и действий террористических группировок на территории Иракского Курдистана.
22. Помогать комиссии ООН по беженцам в возвращении из лагеря Атруш всех желающих вернуться турецких граждан без применения силы и при соблюдении прав человека⁹.

Во исполнение Анкарского соглашения от 31.10.1996 г. в Иракском Курдистане созданы вооруженные отряды из курдов, не принадлежащих к ДПК и ПСК, а также ассирийцев и туркоманов. Оружие им предоставлено США, Великобританией и Турцией. Отряды используются для разграничения позиций, занимаемых вооруженными силами ДПК и ПСК.

В Анкаре создан штаб (см. пункт 10 Соглашения), где принимают жалобы на нарушения перемирия в регионе. Специальная комиссия, образованная в соответствии с пунктом 9 Соглашения, еженедельно проводит свои заседания.

Как отмечается в пресс-релизе ПСК от 4 апреля 1997 г.,

на встрече с и.о. помощника Госсекретаря США Дэвидом Уэлшем и ответственным сотрудником Госдепартамента США Р. Дойчем, посетившими Иракский Курдистан в апреле с.г. для обсуждения мирного процесса между ПСК и ДПК и вопросов, связанных с выполнением Ираком резолюции № 986 СБ ООН, представители ПСК подтвердили свое стремление строго выполнять Анкарское соглашение от 31.10.1996 г. и призвали спонсоров помочь в его быстрой реализации, включая пункты, требующие положить конец конфискации доходов региона, чтобы дать возможность их использования в интересах всех без исключения жителей Иракского Курдистана. ПСК призвала США и их партнеров по коалиции потребовать у правительства Ирака вывести свои войска с позиций вокруг г.Эрбиль, которые они продолжают занимать, вопреки принятому Багдадом обязательству вывести свои вооруженные силы на линию позиций, занимавшихся ими до 31 августа 1996 г. Как сказано в пресс-релизе, "ПСК высоко ценит продолжающееся сотрудничество со спонсорами Анкарского процесса, направленного на восстановление мира в курдском регионе"¹⁰.

Примечания

- ¹ "Сегодня", 16.XII.1996.
- ² Country Report, Iraq, L., 1996, n 4, p.1.&.
- ³ Country Report, Iraq, 1996, N 4, p.7, The Middle East, L., 1996, Dec., N 262, p.9.
- ⁴ The Middle East, 1996. N 6. Now., N 261, p.9.
- ⁵ Country Report, Iraq, 1996, N 4, pp.6, 7, 16.
- ⁶ Компас, М., NN 37, 36, 12, 19.IX.1996, Country Report, Iraq, 1996, N 4, p.17.
- ⁷ The Middle East, 1996, Dec., N 262, p.91 Country Report, Iraq, 1996, N 4, p.19.
- ⁸ The Middle East, 1997, Jan., N 263, p.15.
- ⁹ "Газета "Аль-Хайят", Лондон (араб.), № 12304, 2.XI.1996.
- ¹⁰ Patriotic Union of Kurdistan. Press Release. Koisanjac, Iraqi. Kurdistan, 4.IV.1997.

УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА

Восемь лет войны с Ираном и более 1 миллиона человеческих жертв не утолили жажду крови иракского режима. 2 августа 1990 г. иракская армия оккупировала соседнее государство Кувейт, который оказывал Ираку большую помощь в ирано-иракской войне.

Но Саддам Хуссейн явно переоценил свое могущество. Мировое сообщество не могло не отреагировать на грубое попрание независимости суверенного государства.

Многонациональные силы антииракской коалиции помешали претворить в жизнь имперские замыслы амбициозного диктатора. 4 дня "Бури в пустыне" и предшествующие ей бомбовые атаки поставили точку в несбыточных планах Саддама Хуссейна. А страдания иракского народа только начались. Итогом войны за освобождение Кувейта стали около 200 тысяч убитых и почти полностью разрушенная экономика. В ходе наземных военных действий и бомбардировок было уничтожено около половины предприятий нефтедобывающей и до 95% нефтеперерабатывающей промышленности. В ходе войны пострадали все жизнеобеспечивающие структуры и средства коммуникаций. Энергосистема была разрушена на 96%. Следствием разрушения энергосистемы стало прекращение работы систем орошения, водоснабжения и канализации.

Жестокая политика иракского режима против собственного народа на фоне резкого ухудшения экономического положения привела к росту недовольства населения, вылившегося в восстания как на севере страны (курды), так и на юге (шииты).

В результате восстания курдов на севере Ирака 7 марта 1991 г. была освобождена от иракских войск провинция Сулеймания, 11 марта — Эрбиль, 17 марта — Дохук и 20 мар-

та Киркук. Таким образом курдские провинции Северного Ирака оказались под контролем Фронта Иракского Курдистана.

Во время освобождения курдских территорий в руках Фронта оказались десятки тонн секретных архивных документов — планов действия иракского правительства и партии Баас против курдского населения Ирака с 1946 по 1990 г. Более 20 тонн этих документов были отправлены в 1992 г. в библиотеку Конгресса США для обработки. Исследование документов было осуществлено организацией "Middle East Watch" и курдскими наблюдениями. В результате обработки было выявлено около 5 миллионов листов, содержащих важную информацию.

Эти документы подтверждали политику геноцида в отношении курдского населения Ирака. По плану арабизации курдских территорий, особенно в промышленных районах Киркука, Мосула и Ханекина предполагалось:

- а) выселение курдов со своих земель;
- б) изменение курдских названий городов, населенных пунктов и других географических объектов;
- в) заселение освобожденных от курдов территорий арабским населением, проживающим в Центральном и Южном Ираке и большие денежные пособия для согласных переселиться в курдские города и деревни;
- г) планировалось также переселять в Иракский Курдистан палестинцев, проживающих в лагерях в других арабских странах.

В архивах были найдены также фото- и видеоматериалы, запечатлевшие злодеяния иракской военщины и партии Баас против курдского народа в ходе проведения плана "Анфаль". По этому плану с 1987 по 1990 г. было разрушено более 4 тысяч курдских деревень, все их жители были изгнаны с земли своих предков, более 100 тысяч курдов были убиты, судьба многих изгнанников до сих пор неизвестна.

Операция "Буря в пустыне" только ослабила, но не сломила военной машины Ирака. И вся оставшаяся мощь была

теперь обращена против собственного народа. Вначале было подавлено восстание шиитов на юге, а затем все военные силы были брошены против восставших курдов. Силами отборных частей иракской армии 30 марта был захвачен г. Киркук. В городе началась кровавая бойня. Ее жертвами стали, как было уже не однажды, женщины, старики и дети. Спасаясь от неизбежного уничтожения, около 2 миллионов иракских курдов бежали в горы и соседние Турцию и Иран. В это время иракской армией были захвачены города Сулеймания, Эрбиль и Дохук.

Мировая общественность резко отреагировала на эту бесчеловечную акцию. СБ ООН своей резолюцией № 688 от 5 апреля 1991 г. защитил курдов, установив зону безопасности севернее 36 параллели. Эта резолюция послужила толчком к новому восстанию, в результате которого под контроль Фронта Иракского Курдистана были возвращены провинции Сулеймания, Эрбиль и Дохук, общей площадью 66 тыс. квадратных километров и с населением более 3 миллионов.

Под руководством Фронта 19 мая 1992 г. были проведены выборы в Национальный совет (парламент), а 4 июля 1993 г. было создано правительство, которое и определило пути дальнейшего развития Иракского Курдистана. Перед парламентом и правительством стояли сложные задачи по нормализации жизни в курдских провинциях, по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, почти полностью разрушенных за годы войны.

С момента возникновения парламентом было принято около 70 законов, способствовавших нормализации жизни в демократическом Курдистане. Среди них законы о земле, о свободе создания политических партий и организаций, о запрещении ношения и применения оружия, о федеративных принципах решения курдской проблемы. Последний закон является одним из наиболее важных, так как все попытки решения курдской проблемы в Ираке на принципах автономии в 20-х по 90-е гг. нашего столетия потерпели фиаско.

Задачи Национального совета и правительства осложнились тем, что по приказу Садмата Хусейна от 13 октября 1991 г. с территории Курдистана были отозваны все специалисты народного хозяйства, управленцы и научные кадры. Тем самым и без того обескровленная экономика оказалась обезглавленной, а Курдистан оказался под гнетом двойного эмбарго — и со стороны ООН, и со стороны Ирака.

На заседании парламента 22 июля 1992 г. премьер-министр Фуад Масум выступил с программой работы кабинета министров. Она содержала первостепенные задачи по стабилизации жизни в Иракском Курдистане. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В области политики:

- 1) организация сотрудничества с будущим, демократически избранным правительством Ирака;
- 2) соблюдение принципа невмешательства государств во внутренние дела друг друга;
- 3) осуществление улучшения отношений с соседними странами: Ираном, Турцией и Сирией на взаимовыгодной основе;
- 4) во взаимодействии с ООН осуществление скорейшей отмены эмбарго Ирака, действующего в Курдистане и нераспространения санкций ООН против Ирака на территории Курдистана;
- 5) организация содействию ООН в снятии с замороженных счетов Ирака части средств на восстановление разрушенных курдских деревень и для выплат зарплат, стипендий и прочих пособий населению Курдистана;
- 6) добиваться расширения зоны безопасности на всю территорию Иракского Курдистана.

В области экономики:

- 1) осуществление краткосрочных программ по быстрейшему восстановлению разрушенной экономики Курдистана;
- 2) оказание помощи мелким частным и государственным предприятиям для скорейшего пуска производства;

- 3) организация экономического сотрудничества с другими государствами и особенно с соседними странами;
- 4) содействие организации свободной рыночной экономики под контролем правительства;
- 5) принятие мер по защите государственной собственности;
- 6) утверждение бюджета;
- 7) организация условий для улучшения банковской системы как одного из главных факторов успешного развития экономики;
- 8) организация контроля за своевременным сбором налогов, коммунальных и прочих платежей;
- 9) организация и контроль за поступлением всех таможенных пошлин в правительственную казну.

Реакция соседних стран на создание парламента и правительства в Иракском Курдистане была негативной. 12 октября 1992 г. в Анкаре собрались министры иностранных дел Турции, Ирана и Сирии для обсуждения сложившейся ситуации. Было оговорено, что подобные встречи станут регулярными. Представители стран-участниц, несмотря на разногласия по многим проблемам, в курдском вопросе были единодушны, заявив, что обеспокоены существующей ситуацией и не допустят нарушения территориальной целостности Ирака. Для ясности следует заметить, что ни в одном документе парламента и правительства не упоминается об отделении Курдистана, речь идет о федеративном союзе в составе демократического Ирака.

Определенную роль в осложнении политической ситуации в Иракском Курдистане сыграли Рабочая Партия Курдистана (Турция) и Демократическая партия Иранского Курдистана. Соблюдая интересы национальной безопасности и в целях стабилизации обстановки в регионе Национальный совет заявил о недопустимости использования территории Иракского Курдистана для ведения боевых действий отрядами ПКК и ДПКК против своих государств. Но, к большому сожалению, исходя из своих партийных интересов, эти курдские партии

проигнорировали заявление Национального совета. Под предлогом борьбы с отрядами оппозиционных партий правительства Турции и Ирана неоднократно вводили свои войска на территорию Иракского Курдистана. От этого страдала экономика и мирное население Иракского Курдистана.

Несмотря на сложности экономического и политического характера, а также вмешательства внешних сил парламент и правительство за время работы достигли положительных результатов в нормализации жизни Иракского Курдистана. Было открыто 3 курдских университета: в Эрбиле, Сулеймании и Дохуке. Начали работать школы, больницы, государственные учреждения. С помощью международных организаций была отремонтирована большая часть автомобильных дорог и линий электропередач. Своими силами была отремонтирована плотина ГЭС в Дербендихане. Электроэнергия, получаемая с восстановленной плотины Дербендихана, а также с электростанции в Дукане (общая мощность 100 МВт), на 70% удовлетворяла потребности в электроэнергии провинций Эрбиль, Сулеймания и части провинции Киркук. Из-за нехватки оборудования и средств эти электростанции не были пущены на полную мощность, что не позволило полностью обеспечить электроэнергией все курдские провинции. Нехватка электроэнергии остро ощущалась в холодное время года, когда большинство домов ввиду дороговизны топлива отапливались электрическими обогревателями.

Особенно от нехватки электроэнергии страдала провинция Дохук. Своими силами также были восстановлены основные заводы и фабрики, такие как цементные заводы в Таслудже (один из крупнейших на Ближнем Востоке) и в Сулеймании, комбинат по производству керамической плитки, ковровая фабрика в Эрбиле, табачная фабрика в Сулеймании, комбинат по производству консервированных овощей и др. Большое значение для нормальной работы промышленности Курдистана имело восстановление нефтяной скважины в Тактаке, в 20 км от г. Койсанджак. Добытая из этой скважины нефть использовалась как топливо на восстановленных предприятиях. Восста-

новление промышленных предприятий создало дополнительное число рабочих мест и принесло некоторый доход в казну. Правда, из-за действия двойного эмбарго восстановленные предприятия не могли работать на полную мощность. Большинство из вышеперечисленных заводов и фабрик загружены лишь на 40-60% от проектной мощности. Это объясняется как нехваткой оборудования и отсутствия запасных частей к нему, а также невозможностью закупить его из-за санкций, так и отсутствием внешнего рынка сбыта по тем же причинам.

В сложившейся ситуации особенно важно было восстановить сельское хозяйство, чтобы в условиях экономической блокады обеспечить население продуктами питания, а действующие предприятия сырьем. Следует отметить, что сельское хозяйство особенно сильно пострадало еще в конце 60-х гг. от проводимой багдадским режимом политики уничтожения курдских деревень. С помощью международных организаций было восстановлено 30% разрушенных ранее деревень. В планах правительства предполагалось к 1998 г. воссоздать 80% курдских деревень. К сожалению, столкновения между ДПК и ПСК приостановили этот процесс. Правительство предприняло ряд мер, чтобы привлечь жителей городов переселяться в деревни для работы на земле. Курдистан всегда был житницей Ирака. Здесь производилось 3/4 всей пшеницы, на плодородных почвах произрастали также рис, хлопок, табак, овощи и фрукты. Имелось развитое животноводство. При реализации этих планов проблемой № 1 стали мины. По данным Международного общества Красного Креста, на территории Курдистана находится 20 млн. мин, оставшихся еще со времен ирано-иракской войны и последующих боевых действий. Тысячи людей уже пострадало от этого. Мины препятствуют также развитию животноводства. До сих пор обезврежено всего 1,5 млн. мин. Если процесс разминирования будет идти такими темпами, он растянется на 20-25 лет. Медленность работы объясняется тем, что большинство мин производства Италии, бывших СССР и Югославии пластиковые, новейших систем, что затрудняет их обнаружение имеющимся в Курдистане устаревшим оборудо-

ванием. Развитию сельского хозяйства препятствуют также отсутствие сельхозмашин, инвентаря и запасных частей к ним, а также качественных посевных материалов и минеральных удобрений.

Парламент и правительство уделяли большое внимание развитию образования, культуры и искусства. Творческими союзами регулярно организовывались выставки современных курдских художников, выступления поэтов, музыкантов и певцов. Принятый закон о печати способствовал возникновению десятка новых газет и журналов не только политических, но и литературно-художественных. Открылись две большие типографии в Эрбиле и Сулеймании. Возникли новые телевизионные каналы и различные радиостанции.

Был принят бюджет на 1993 г. Основной статьей бюджетного дохода Курдистана — 75% — являлись таможенные пошлины, изымавшиеся на пограничных пропускных пунктах на границах с Турцией и Ираном за транзит по территории Курдистана. На самом крупном пункте Ибрагим-Халиль на границе с Турцией изымалось в сутки пошлин на 200—250 тыс. долларов США. До 1 мая 1994 г. все средства поступали в правительственную казну.

Начавшиеся столкновения между ДПК и ПСК остановили процесс возрождения Иракского Курдистана. Ситуация еще больше осложнилась в августе 1996 г., когда иракская армия временно оккупировала летом 1996 г. Эрбиль, столицу курдских провинций Ирака.

Чтобы возобновить процесс стабилизации в Иракском Курдистане, нужно постараться решить все возникшие разногласия цивилизованными методами. Только сев за стол переговоров можно найти выход из сложившейся кризисной ситуации.

Муафак Ахмад

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО В "СВОБОДНОМ КУРДИСТАНЕ"

Курдская пресса в Ираке всегда обходилась без своих информационных и рекламных агентств. И хотя в стране были времена, когда наряду с арабским курдский язык признавался официальным, но курдская журналистика использовала материалы только Иракского информационного агентства, выходящие на арабском языке. Приходилось самим переводить их на курдский. В результате часто страдало качество текста. Проблема перевода существует и сегодня, хотя некоторые газеты стараются уделять этому большое внимание.

В современном мире СМИ не могут нормально функционировать без информационных агентств, снабжающих их новостями. Это ключевое звено в системе СМИ. До создания Курдского автономного района в 1974 г. уже издавались десятки печатных изданий, в том числе и первая ежедневная курдская газета "Курдистани Нуэ". Они обходились без агентства, хотя это трудно себе представить. Может быть в этом и состоит отличие системы СМИ Курдистана от СМИ других стран. Но мысль о создании своего агентства новостей не покидала журналистов, которые страдали профессионально от его отсутствия. И эти чувства обострились, когда на курдов подуло воздухом свободы, они могли работать вдали от цензуры, в новых условиях. Но мечты оставались мечтами до тех пор, пока в стране в 1992 г. не прошли выборы и не было создано правительство и парламент.

Одним из первых законов, принятых парламентом Курдистана в пользу культуры и прессы, был закон № 11 (1993 г.) о задачах министерства культуры. В § 1, в частности, говорилось: "Следить за сохранением специфики курдской культуры, чтобы ее развитие соотносилось с достоинством и этикой

курдского общества и целями курдского освободительного движения. Поддерживать дух братства среди молодежи и культурные связи между курдским народом и народами региона". В § 3 закона говорится о поддержке прессы министерством культуры: "Создать специальное учреждение по делам печати и распространения прессы". В § 15 говорится о необходимости создания информационного агентства. В законе также много внимания уделено развитию культуры, в частности, фольклора, развитию культуры национальных меньшинств. Но здесь же вставал закономерный вопрос: сможет ли министерство культуры выполнить поставленные задачи, не имея достаточной экономической базы?

Причины же издания такого закона понятны. Долгие годы курдский народ жил под угрозой ассимиляции, не имея возможности в полной мере развивать свою культуру. Теперь же пришло время наверстать упущенное.

После выхода закона министерство культуры постаралось сразу же приступить к созданию информационного агентства. Вначале велись дискуссии по поводу названия. В конце концов пришли к единому мнению: в конце 1992 г. было создано "Ажанси Дангубаси Курдистан (АДК) (Kurdistan News Agency, KNA) — "Курдистанское информационное агентство". А в начале 1993 года оно уже вошло в рабочий режим. АДК являлось официальным агентством правительства "Свободного Курдистана", подчиненным министерству культуры. Его директор одновременно являлся членом Совета общего директората министерства. Центр агентства располагался в столице автономии Эрбиле, а его филиалы — Сулеймании, Дохуке, Киркуке и др. Число журналистов и сотрудников — около 20 человек, включая корпункты. Вся информация передавалась на курдском языке. АДК снабжал новостями обе ежедневные газеты автономии "Курдистан Пуэ" и "Брайати", а также газету "Харем" (орган правительства Курдистана) и некоторые другие еженедельники. Почти все радио и телеканалы пользовались услугами агентства. Количество информации зависело от количества собы-

тий, так как АДК передавало только официальные правительственные сообщения. В день их выходило в среднем 20-30. Все новости носили внутренний характер, так как агентство не имело корпунктов за рубежом. АДК издавало специальный бюллетень для служебного пользования, который направлялся в официальные учреждения: министерства, губернаторства, муниципалитеты и т.д. Другой продукцией, которую обычно выпускает информационное агентство (обзоры, статьи, кинорепортажи и т.д.) АДК не имело.

В своих новостях агентство старалось осветить экономическую и социальную сферы жизни общества, особенно в период больших изменений в его истории. АДК ежедневно информировало народ обо всех важных событиях, происходящих в стране. Это продолжалось 23 месяца, после чего агентство прекратило свою работу. Надо отметить, что давая информацию, АДК старалось обходить разногласия и партийные противоречия, так как это могло повредить общему делу единства и единения. Оно старалось не вмешиваться в политические дела и межпартийные отношения, сохраняя свой нейтралитет, но долго этому принципу следовать не удалось. Если в номерах "КН" и "Брайати" за 1993 год из 10 сообщений 4 или 5 было получено по каналам АДК6, то в конце 1994 года их было уже одно или два. К концу 1994 года агентство полностью лишилось самостоятельности, в декабрьских номерах "КН" уже нет ни одного сообщения, полученного от АДК. Его судьба печальна, так же как и судьба газеты "Харем"). Причины их закрытия не только экономические, но и политические.

Если создание своего информационного агентства явилось большим достижением в области журналистики в период существования единого "Свободного Курдистана", то его фактический распад, ответственность за который несут на себе политические партии Южного Курдистана, была большим ударом по журналистике в целом. Таким образом, курдские газеты, особенно ежедневные, а также радио и телевидение, потеряли самый надежный источник информации. "КН" была

вынуждена расширить сеть своих корпунктов и бюро, чтобы восполнить недостаток информации, но сравниться по масштабам с агентством было трудно, поскольку АДК получало информацию со всего Южного Курдистана. Кроме того, АДК являлось официальным учреждением министерства культуры, имело перспективы выйти в будущем на международный уровень по обмену информацией, укрепить свои позиции. Но этому не суждено было сбыться.

"Ажанси Дангубаси Курдистан" вошло в историю курдской журналистики как первое информационное агентство не только в Южном Курдистане, но и во всех его частях. АДК могло бы стать основой для создания будущего агентства. Судьба его доказала, что журналистика в Южном Курдистане тесно связана с политической и социальной жизнью общества. Но в этот раз именно межкурдские противоречия разжигаемые Багдадом, сыграли зловещую роль в деле уничтожения всего позитивного, что было построено с великим трудом в короткий период существования "Свободного Курдистана".

ТУРЦИЯ И СОБЫТИЯ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

Ситуация в курдских районах Ирака, Ирана и Сирии складывается на отношениях Турции с этими странами. Турция участвует в совместных репрессивных акциях против курдского движения. Ежегодно представители Турции, Ирана, Ирана и Сирии организуют встречи, на которых обсуждают положение в Курдистане и принимают военные, политические и дипломатические меры, направленные на подавление курдского движения. В начале 80-х годов между Турцией и Ираком была достигнута договоренность, по которой турецким вооруженным силам было разрешено преследовать курдских борцов по воздуху и суше на иракской территории в районе границы на расстояние 10-15 км. Такие операции были осуществлены неоднократно. В Турции это объясняли необходимостью уничтожения баз боевиков ПКК в Северном Ираке.

В августе 1987 г. состоялся визит Т. Озала в Дамаск — первый в истории турецко-сирийских отношений после обретения Сирией независимости. В результате состоявшихся переговоров были подписаны протоколы о безопасности и экономическом сотрудничестве. Предметом обсуждения были вопросы обеспечения спокойствия на общей границе, режима использования вод Евфрата и Тигра, которые берут начало в Турции и имеют большое значение для развития экономики не только Турции, но и Сирии и Ирака. Анкара, используя значимость особенно Евфрата для Сирии, пыталась оказывать нажим на Дамаск с целью давления на его позицию в курдском вопросе.

В начале мая 1990 г. премьер-министр Турции Ыылдырым Акбулут посетил Багдад, где вел переговоры с прези-

дентом Ирака Саддамом Хусейном. В результате визита был подписан протокол по экономическому сотрудничеству между двумя странами. Кроме того, во время переговоров обсуждалась и курдская проблема, которая вызывала беспокойство руководителей обеих стран¹.

Выступая в ноябре 1990 г. на пресс-конференции, организованной для турецких журналистов, президент Тургут Озал высказался против создания курдского государства и заявил, что это мнение разделяют Иран и Сирия. Далее он заявил, что Турция не зарится на чужие земли и не желает изменения границ с Ираком².

Вторжения турецких вооруженных сил на иракскую территорию представитель министерства иностранных дел Турции оправдывал тем, что речь идет о "небольшом числе солдат", которые углубились на несколько километров на иракскую территорию с целью "защиты курдских беженцев" и поддержания порядка в приграничной зоне³.

События в Иракском Курдистане вызывали тревогу не только в Турции, но и в соседних Иране и Сирии. Правящие круги этих стран пытались локализовать ситуацию в Иракском Курдистане с тем, чтобы движение иракских курдов не оказало дестабилизирующего влияния на курдские провинции своих стран.

В конце апреля 1991 г. президент Исламской Республики Иран Али Акбар Хахеми-Рафсанджани прибыл с официальным визитом в Анкару. На переговорах с Т. Озалом ключевой была проблема курдов, иракских беженцев. К тому времени сотни тысяч их были сосредоточены на границе с Ираном и Турцией. Позиция Ирана и Турции заключалась в следующем: они якобы поддерживали идею образования автономного Курдистана в рамках Ирака⁴. К середине июня 1991 г. безрезультатно закончился официальный визит заместителя премьер-министра Ирака Т. Азиза в Анкару. Как утверждали местные политические обозреватели, он вернулся с пустыми руками. В связи с этим официальный представитель президента Турции заявил: "Президент Озал подчер-

кнул, что подлинное решение проблем Ирака будет возможно только с введением демократической системы"⁵.

Осуждая режим в Ираке, турецкое руководство продолжало антикурдскую политику в своей стране. Вместе с тем следует подчеркнуть, что его политику нельзя рассматривать в отрыве от положения в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, роли этого региона в стратегии США и НАТО. Они стремились сделать курдов орудием своей политики, оказывая давление на ближневосточные страны. Еще в 50-е годы были подписаны американо-турецкие соглашения, которые предусматривали расширение американцами в Турции (главным образом в Восточной) системы военных баз, аэродромов, строительство новых военных объектов и модернизацию имеющихся. Антироссийская направленность этих мероприятий при этом не скрывалась.

Все это свидетельствовало о том, что Курдистан сохранял за собой свою значимость во внутренней и внешней политике турецкого правительства. Под предлогом угрозы сепаратизмам Анкара продолжала вести курс на подавление курдского движения, координируя при этом свои действия как с реакционными режимами региона, так и с западными странами. Характерен в этой связи следующий факт. К середине июля 1991 г. войска ООН прибыли в район населенного пункта Силопи в Турции. Там создавался лагерь для войск "быстрого реагирования" численностью около 5 тыс. человек в составе контингентов из США, Великобритании, Франции и ряда других западных государств. Кроме того, военно-воздушные силы союзников размещались на двух турецких авиабазах в Инджирлике и Батмане. Эти войска были призваны гарантировать ненападение иракских войск на курдские районы и соблюдение Багдадом подготовлявшегося для подписания соглашения о предоставлении курдам автономии и демократизации иракского режима в целом⁶.

В конце мая 1992 г. в юго-восточных провинциях Турции возобновились вооруженные столкновения между подразделениями турецких войск и боевиками Рабочей партии Кур-

дистана (ПКК). В сентябре 1992 г. в Анкаре представители Ирана и Турции пришли к соглашению по вопросу о повышении мер безопасности в прилегающих к границе между этими странами районах, населенных курдами. В подписанном протоколе указывалось, что между странами не существует "никаких различий" в позиции относительно борьбы с "терроризмом" и теми группировками, которые угрожают суверенитету и территориальной целостности Турции и Ирана⁷.

В феврале 1993 г. состоялась трехсторонняя встреча министров иностранных дел Сирии, Турции и Ирана. На встрече обсуждались вопросы, связанные с провозглашением на севере Ирака автономии курдов. Ранее эти страны уже заявляли о намерении противодействовать федерализации Ирака и подчеркивали необходимость сохранения его территориального единства⁸.

Вмешательству этих стран в Южном Курдистане способствовали противоречия между ПКК и южнокурдскими партиями, порой приводившие к вооруженным стычкам. В конце концов было подписано соглашение о прекращении столкновений между ПКК и ПСК. Это соглашение расстроило планы Турции и США. Согласно достигнутым договоренностям, ПКК перенесла свои базы в район Зале. Кроме того, соглашение призывало ПСК и ДПК прекратить связи с Турцией. Однако ДПК не приняла это условие. Более того, Турция с участием ДПК попыталась укрепить ирако-турецкую границу. Вдоль всей границы было создано 170 погранзастав. Все расходы, связанные с содержанием этих застав, включая оружие, еду и обмундирование, взяла на себя Турция⁹.

В октябре 1993 г. повторилась карательная операция турецких войск против отрядов ПКК. Она проводилась главным образом в районе Батана. В ней участвовали тысячи турецких солдат и "сельских стражей" при поддержке турецких военных самолетов и вертолетов, танков, артиллерии. Целью этих операций была ликвидация партизанских отрядов. Между частями турецкой армии и партизанами

"Армии освобождения народов Курдистана" (АОНК) шли непрерывные сражения; военные самолеты круглые сутки бомбили район, тяжелая артиллерия и танки обстреливали многочисленные населенные пункты.

В начале 1994 г. турецкие бомбардировщики в сопровождении самолетов-разведчиков, нарушив границы Ирака и Ирана, нанесли бомбовые удары по базам партизан АОНК в Зале. Надо полагать, что к этой операции были причастны эти государства. Во-первых, Турция не решилась бы без согласия Ирана нарушить его воздушные границы. Во-вторых, Ирак спокойно взирал на то, как военные самолеты соседнего государства действуют на его территории. США, Великобритания, Франция и другие страны Запада безучастно взирали на действия Турции.

Продолжая карательные акции, в середине апреля 1994 г. турецкая армия предприняла очередную широкомасштабную операцию в Южном Курдистане, направленную по существу против партизан ПКК. Однако и эта операция турецких войск не дала желаемых результатов.

В начале февраля 1994 г. состоялась пятая по счету трехсторонняя встреча министров иностранных дел Турции, Ирана и Сирии. Встреча окончилась принятием совместного заявления. Три стороны высказались за сохранение территориальной целостности Ирака, указав, что иракцам самим надлежит решить вопросы нормализации ситуации на севере Ирака, а также соблюдать резолюцию ООН для снятия эмбарго.

В заявлении все стороны осудили "террористические действия, направленные против каждой из стран и вновь подтвердили обязательство стран принимать необходимые меры против подобных действий"¹⁰.

В середине марта 1995 г. началась очередная турецкая операция на севере Ирака, получившая кодовое название "Сталь" и продолжавшаяся до начала мая. Она преследовала цель "искоренить террор, направленный против невинных людей", заявил официальный представитель турецкого пра-

вительства Йылдырым Актуна. По его словам, из Северного Ирака на территорию Турции постоянно проникают вооруженные экстремисты. Представитель генерального штаба турецких вооруженных сил сообщил, что турецкие войска к 21 марта 1995 г. завершили развертывание на фронте шириной в 200 км и глубиной в 40 км. В вооруженной операции Анкары участвовали 35 тыс. солдат, в том числе элитные турецкие "командос"¹¹. На начальном этапе операции было задействовано 450 танков и бронетранспортеров, 40 вертолетов и большое число военных самолетов. В первый же день агрессии турецкие войска захватили город Захо¹².

Премьер-министр Турции Тансу Чиллер заявила, что наступление турецкой армии в Северном Ираке будет продолжаться до окончательной победы над Партией рабочих Курдистана¹³. Турки оккупировали 6,5 тысяч квадратных километров иракской территории.

Турецкие власти заявили, что операция "Сталь" достигла своей цели. Однако это не соответствовало действительности, поскольку курдские отряды отошли на границы практически без сопротивления и растворились среди соотечественников в горных приграничных районах Курдистана¹⁴.

23 марта 1995 г. было опубликовано заявление Генерального секретаря ПКК Абдуллы Оджалана о турецкой агрессии, которая была охарактеризована как классический метод предотвращения надвигавшегося внутреннего политического, экономического и социального хаоса¹⁵.

25 марта 1995 г. Дамасское бюро ПСК осудило действия турецких властей. В заявлении говорилось: "В местах, где Турция ведет военные операции, не существует никакого лагеря ПКК. Это ложь, придуманная турецкой стороной для оккупации территории Федерального курдского государства. Призываем весь мир остановить турецкий геноцид курдского народа"¹⁶.

Эта турецкая акция вызвала расхождение среди союзников Турции по НАТО. США, считавшие Турцию своим стратегическим партнером, заявили устами представителя

госдепартамента: турки применили право на самооборону против баз организации, применяющей террор, в этом смысле они не нарушили международного права.

Несколько иначе отреагировали на эти события страны Западной Европы, где было весьма велико влияние гуманитарных правозащитных организаций, а также довольно сильны симпатии к курдам. Против агрессивных акций турецких войск выступили Международный Красный Крест и "Международная амнистия", официальные круги Нидерландов, Швеции, Швейцарии, генеральный секретарь ООН¹⁷.

В конце марта 1995 г. правительство Германии временно приостановило оказание военной помощи турецкому правительству в связи с событиями на Севере Ирака. В начале апреля того же года Европейский союз потребовал от Турции вывести в кратчайшие сроки турецкие войска из северных районов Ирака¹⁸.

Однако в Турции давно уже привыкли к показным упрекам стран Западной Европы в ее адрес и предпочитали замечать лишь позицию США. Следует отметить, что против турецкой агрессии на этот раз выступал и иракский режим. Многие европейские государства в ответ на сообщения о жертвах мирного населения высказывали отрицательную реакцию на действия Турции.

Свою позицию высказало и МИД Российской Федерации. В его заявлениях от 23 и 30 марта 1995 г. под названием "Турецкая военная акция против курдов в Северном Ираке" говорилось: "В Москве с озабоченностью восприняты сообщения о человеческих жертвах, в том числе среди мирного населения. В наших контактах с официальными властями Турции мы выразили надежду, что эта операция, как об этом не раз декларировала турецкая сторона, будет носить ограниченный характер и по времени и по своим масштабам... Мы призываем турецкие власти к обеспечению должной безопасности гражданского населения, включая находившихся в этом районе многочисленных беженцев, указываем на предпочтительность политических методов решения подобного рода конфликтов"²⁰.

Победа "Партии благоденствия" (исламистов) на последних парламентских выборах в Турции и назначение ее лидера Эрбакана премьер-министром несколько изменили ситуацию как в самой Турции, так и в соседних странах. Об этом, в частности, свидетельствовал и недавний визит Эрбакана в Тегеран, где он подписал ряд важнейших соглашений, которые должны привести к укреплению турецко-иранских связей. Не исключено, что коалиционное правительство Эрбакана попытается укрепить связи и с режимом Ирака, с тем, чтобы выработать единую позицию в курдском вопросе. Следует отметить, что правительство Эрбакана теперь поглядывает не только на Запад, но и на Восток. Этим в известной мере можно объяснить его нежелание, чтобы США использовали натовскую базу в Инджирлике против Ирака.

После визита в Иран Эрбакан посетил Ливию, где по курдскому вопросу между М. Каддафи и Н. Эрбаканом выявились большие разногласия. М. Каддафи не подписывал текст соглашения до тех пор, пока турецкая сторона не вычеркнула слова о том, что PKK террористическая организация. Он заявил, что Рабочая партия Курдистана ведет справедливую борьбу за национальные права своего народа²⁰.

Турецкая пресса подняла большую шумиху вокруг этого турне премьер-министра и выступления М. Каддафи. Особенно турецкой стороне не понравились слова ливийского лидера о курдской проблеме: "Без сомнения, курды должны как нация занять свое место под солнцем Ближнего Востока, это их самые элементарные, естественные человеческие права. Турция не сможет помешать курдам добиться своих основных прав"²¹.

Турция, несмотря на усилившуюся критику со стороны многих государств, в том числе Италии и даже Ливии, не собиралась решать курдскую проблему мирными средствами. Более того, она приняла активные меры с целью вмешательства в междоусобную борьбу курдов Южного Курдистана.

Сразу после нанесения со стороны США ракетно-бомбовых ударов по военным объектам иракской армии Турция,

не одобряя американские бомбардировки, предложила заключить тройственный союз между Ираком, Турцией и ДПК, выступающей за создание курдской автономии в рамках Ирака. Позднее Турция обнародовала и свой план создания на территории Северного Ирака буферной зоны безопасности с вводом туда турецких войск. Совершенно очевидно, что план Анкары был предназначен для уничтожения военных баз турецких курдов-партизан, находящихся на территории предполагаемой буферной зоны. Поэтому Абдулла Оджалан предложил лидерам враждующих курдских партий прекратить междоусобицу и призвал курдов Ирака, Ирана и Сирии к всеобщей мобилизации²².

В то время как государства региона продолжали строить свои планы по разделу Южного Курдистана, нестабильность, возникавшая в результате братоубийственной войны, толкнула лидера ДПК Масуда Барзани искать новых "друзей". Он заявил, что договорился с Саддамом и получил от него заверение безопасности. В начале сентября 1996 г. он нанес визит в Анкару, где встречался с ответственными работниками Министерства иностранных дел Турции. В результате переговоров турецкая сторона заявила, что она решительно будет выступать против создания в Южном Курдистане федерации и потребовала от Барзани гарантии в таких вопросах, как территориальная целостность Ирака, безопасность границ Турции. Вместе с тем США, которые были недовольны контактами ДПК с С. Хусейном, потребовали от М. Барзани прекратить диалог с Саддамом и начать переговоры с ПСК.

Турция продолжала предпринимать меры по созданию буферной зоны на границе с Ираком, а также намеревалась провести "чистку" региона, взять под свой контроль курдские деревни и, соорудив здесь большое число военных постов²³.

В свою очередь США продолжали попытки примирить враждующие партии. Так, во второй половине октября в Силопе (Турция) заместитель госсекретаря США по Ближнему Востоку Роберт Пеллетро вел переговоры о прекращении огня в Иракском Курдистане с Масудом Барзани. В то же время в

Анкаре он обсуждал эту проблему с лидером ПСК Джелилем Талабани. В диалоге в качестве наблюдателей участвовали британские и турецкие дипломаты. Аналогичные встречи состоялись и позднее.

События в Южном Курдистане следует рассматривать как очередную трагедию для курдского народа не только Ирака, но и Турции и Ирана. Несмотря на хрупкость курдской автономии в Северном Ираке, многие курдские патриоты в других странах, друзья курдского народа надеялись, что эта автономия может стать прообразом будущего курдского государства. Теперь, совершенно ясно, что на этом пути возникли серьезные препятствия.

Тем не менее проблема иракских курдов можно и нужно решать путем не вооруженных конфликтов, а путем мирных переговоров между представителями ПСК и ДПК. Нет другого решения в Иракском Курдистане.

¹ "Cumhuriyet", 7.05.1990.

² "Hurriyet", 14.11.1990.

³ "Известия", 11.04.1991.

⁴ Там же, 29.04.1991.

⁵ Там же, 15.06.1991.

⁶ "Правда", 18.07.1991.

⁷ "Известия", 16.09.1992.

⁸ Там же, 12.02.1993.

⁹ "Курдистан рапорт", 1993. № 3, с. 38.

¹⁰ "Turkish Probe". 10.2.1995.

¹¹ "Правда", 22.03.1995.

¹² "Курдистан рапорт", 1995, № 2Б с.35.

¹³ "Правда", 23.03.1995.

¹⁴ Там же, 12.05.1995.

¹⁵ "Курдистан рапорт", 1995, № 2, с.36.

¹⁶ Там же, с.37.

¹⁷ "Известия", 24.3.1995, "Курд истая рапорт", 1995, № 2, с.37

¹⁸ "Правда", 7.04.1995.

¹⁹ "Курдистан рапорт", 1995, N 2, с.36.

²⁰ "Axina Welat" (Приложение), 1996, № 18, с.5.

²¹ Там же, с.1.

²² Там же, № 17, с.6.

²³ "Ronahi". 21-27.9.1996.

ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН И ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР

В сложившейся ситуации на Ближнем Востоке в связи с кризисом в Персидском заливе перед Турцией встал ряд очень важных вопросов: активно участвовать и поддерживать коалицию против Ирака или сохранить нейтралитет.

Отношение к кризису в Заливе создало в Турции две группы, представляющие разные мнения. **Первая** — это президент, правительство и армия, которые считали, что Турция должна быть активно участвовать в конфликте и поддерживать антииракскую коалицию. Представители этой группы полагали, что после окончания войны, когда будут идти мирные переговоры, Турция должна иметь сильные позиции, так как американская политика по отношению к войне в Заливе и сам Ирак был загадочен для Турции в равной степени, как и для многих стран мира.

В сложившейся ситуации Турцию волновало несколько вопросов: но самый важный — курдский вопрос. Как полагали представители первой группы после окончания войны в случае раздела Ирака в его северной части (Иракский Курдистан) может быть создано курдское государство, возникновения которого Турция не должна допустить вплоть до решения вопроса военной силой с помощью своей армии. "Если Америка в Северном Ираке попытается создать Курдскую республику, мы пошлем туда свою армию и не допустим этого", — сказал Тургут Озал, президент Турции в своем интервью газете "Джумхуриет" 19 января 1991 г. Кроме того, Турция намерена была при разделе Ирака оккупировать нефтяной регион, включающий города Киркук и Мосул, принадлежавшие Турции во время Османской империи, оправдывая свои притязания необходимостью воссоединения иракских и турецких курдов в рамках турецкой государственности.

Вторая группа — противники активного участия Турции в войне аргументировала свою позицию тем, что в планах США и Запада после окончания войны раздел Ирака и создание в его северной части — курдского государства, которое будет угрожать безопасности Турции и в результате приведет к ее разделу, т.е. к восстановлению Севрского договора. Объектом их критики было также существование секретного договора президента Турции и американской администрации об использовании военно-воздушной базы Инджирлик для самолетов США. Газета "Джумхуриет" от 17 января 1991 г. писала, что министр иностранных дел США отрицал намерения после войны создать курдское государство на севере Ирака. Но представители второй группы не считают искренним это заявление. Они не видели необходимости участия Турции в войне, обвиняли Тургута Озала и правительство Турции в предательстве государственных интересов Турции. В основном это направление поддерживала Социал-демократическая народническая партия¹, возглавляемая Эрдалом Инёну, Партия верного пути (председатель Сулейман Демирель — нынешний президент), религиозная Партия благоденствия (председатель Неджметтин Эрбакан), Демократическая левая партия во главе с председателем Булентом Эджевитом и многие другие. Таким образом антивоенная коалиция представляла собой довольно серьезную силу, настолько мощную, что когда Тургут Озал пригласил для обсуждения кризиса в Заливе председателей указанных выше партий, они отказались даже встретиться с ним¹.

Безусловно, обе группы заявили, что руководствуются интересами Турции в своей политике. В результате Турция выбрала политику первой группы (группа Тургута Озала), и эта политика с небольшими изменениями продолжается до сегодняшнего дня.

После войны Турция проводила неоднозначную политику, с одной стороны, она поддерживает хорошие отношения с Западом, с другой — выступила инициатором координации политики Ирана и Сирии по отношению к Южному Кур-

дистану. Каждый шесть месяцев встречаются министры иностранных дел Турции, Сирии и Ирана и обсуждают события в Южном Курдистане. Их политика — недопущение создания курдского государства.

США, чтобы прервать отношения иракских курдов с Ираном и Сирией, заставили Турцию наладить связи с ними. Турции против своей воли пришлось согласиться на это. Тогдашний президент Турции Тургут Озал пригласил в Турцию лидеров курдских движений Масуда Барзани и Джелала Талабани, с этого момента начались регулярные контакты обоих курдских лидеров с Турцией. Они официально открыли в Анкаре свои представительства, но после смерти Тургута Озала отношения между курдскими организациями с Турцией стали более формальными: курды стали постепенно опять обращаться к Ирану и Сирии: это безусловно вызвало большие опасения в правящих кругах Турции. В Генеральном штабе заявили о необходимости сохранения целостности территории Ирака и недопущении создания курдского государства в северной части страны².

В октябре 1996 г. на встрече в Вашингтоне между представителем ДПК Ирака, турецким дипломатом Еджевтом Тезджяном и заместителем государственного секретаря США Пеллетро, турецкий дипломат сказал, что Турция за целостность Ирака, и за туркмено-курдскую автономию в Северном Ираке³.

Министр же финансов Турции Абдуллатив Шенер считал, что в проблемы региона американцы не должны вмешиваться⁴.

Среди государственных структур Турции разногласия по отношению к Иракскому Курдистану были более всего заметны в коалиционном правительстве между "Партией верного пути", возглавляемой министром иностранных дел Тансу Чиллер и "Партией благоденствия". В начале войны в Заливе Эрбакан считал, что "эта война — война сионистов, Турция должна выступить против агрессии США в регионе, что эта война — крестовый поход против мусульманского мира".

В турецкой прессе была публикация о том, что во время выборов Неджметтина Эрбакана материально поддерживал Саддам Хусейн. С другой стороны, эта партия поддерживает в Южном Курдистане организацию "Исламского движения Курдистана".

Во время войны в Заливе в 1991 г. нынешний президент Турции Сулейман Демирель и Неджметтин Эрбакан выступали против поддержки Турцией США, их сторонники проводили демонстрации против агрессии США в регионе, сжигали американские флаги. Во время кризиса 1991 г. Эрбакан посетил Багдад и объявил о своей поддержке Саддама Хусейна⁵. Но сегодня оба турецких лидера в общем следуют американскому курсу по отношению к Иракскому Курдистану.

В начале сентября 1996 г. Совет национальной безопасности Турции, который состоит из президента, премьер-министра, министра иностранных дел, советника министра иностранных дел, начальника генерального штаба, министра внутренних дел и руководителя спецслужб, на своем заседании обсудили и приняли решение о создании на границе с Ираком буферной зоны и о продлении срока присутствия в Турции американских сил быстрого реагирования*.

Создание буферной зоны вызвало большой резонанс на международной арене. Несмотря на то, что США и Англия поддержали ее создание, все арабские страны, Россия, Франция, Китай и многие другие страны выступили против, считая это нарушением международного права.

Проблему туркмен (туркоман) в Ираке Турция также пытается использовать в своих интересах. Первый вариант: в случае создания буферной зоны, появляются условия для

проживания иракских туркмен в этой зоне. Второй вариант: в случае получения автономии иракскими курдами, она должна стать курдско-туркменской; это позволило бы Турции и в дальнейшем использовать туркменскую проблему против курдов.

Несмотря на то, что туркмен в Ираке не более полумиллиона человек, в последнее время турецкие представители заявляют, что в Ираке проживает 3 миллиона туркмен. К этому приложил руку турецкий "Красный полумесяц", через который международные организации оказывают гуманитарную помощь туркменам, проживающим на территории Ирака, попутно занимаясь разведывательной деятельностью на территории Иракского Курдистана.

К сожалению раскол в курдском движении между ДПК и ПСК, с одной стороны, и между ПКК и организациями Южного Курдистана, с другой, предоставляет врагам курдского народа возможность исполнить свои планы. Поэтому в интересах всего курдского народа следует преодолеть разногласия между ДПК и ПСК на основе единой общенациональной политики.

Что касается ПКК, то она не должна повторять предыдущие ошибки в отношении Южного Курдистана, ей следует бросить партийные амбиции и взять курс на национальное примирение, и если ПКК вынуждена пребывать на территории Южного Курдистана, оно должно быть на основе уважения к законам, правительству и политическим организациям Южного Курдистана. Раскол в курдском движении принес большой ущерб интернационализации курдского вопроса и должен быть преодолен.

¹ "Cumhuriyet", 17.01.1991.

² "Sabah", 6.09.1996.

³ "Milliyet", 21.10.1996.

⁴ "Sabah", 4.09.1996.

⁵ "Milliyet", 7.09.1996.

* В начале 1980 г. между Турцией и Ираком было подписано соглашение, которое дало возможность турецким войскам проводить военные операции на территории Ирака в пределах 15-20 км от границы. Пользуясь такой возможностью, Турция неоднократно проводила такие операции под предлогом преследования отрядов Рабочей партии Курдистана.

ОТНОШЕНИЕ СИРИИ К СОБЫТИЯМ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ В 90-е гг.

Режим Хафеза Асада неизменно стремился сохранить свое влияние в курдской, а также в шиитской оппозиции Ирака. В 80-е годы его целью было оказание им поддержки для свержения Саддама Хусейна. Эта цель сохранялась до 1992 г. включительно, пока не возникла курдская государственность в Северном Ираке, что не очень-то нравилось сирийскому президенту. Для достижения этой цели режим Х. Асада сотрудничал с Тегераном в деле осуществления экспорта "шиитской революции" тегеранского образца до стран, расположенных на побережье Восточного Средиземноморья, а также в деле военного противостояния Израилю.

Между тем, в регионе возникли мощные военно-политические факторы, направленные против режимов в Сирии и Иране. Это — израильский, турецкий и американской факторы, действующие совместно. США объявили Сирию и Иран государствами, поддерживающими терроризм. А это — повод для военного наказания Дамаска и Тегерана в случае военного конфликта Израиля с Сирией или США с Ираном. В феврале 1996 г. возникла военно-политическая ось Израиль-Анкара с явной антисирийской направленностью, что вызвало беспокойство в Дамаске и столицах других арабских стран, а также в Тегеране. Пока дело до военного конфликта не дошло, Иран через коридор в Южном Курдистане (т.е. Северном Ираке) и в Сирии активизировал тайную военную помощь исламским отрядам "Хизболлы", "Хамаса" и "Исламского джихада" в их военных действиях против Израиля, а также Рабочей партии Курдистана (ПКК) в ее действиях против Турции. Израиль и Дамаск, вдохновляемый Тегераном, бряцали оружием, угрозами и намеками на подготовку к широкомасштабной войне.

Новая ситуация, невыгодная для Сирии, возникла в феврале 1996 г., когда Израиль и Турция подписали соглашение о военном сотрудничестве. В соответствии с ним проводятся израильско-турецкие совместные учения ВВС и ВМС, осуществляются военные разработки в области авиационного, ремонт боевой техники, обмен развединформацией. ВВС Израиля получили право использования турецких аэродромов. Они летают вдоль турецко-сирийской границы, ведут аэрофотосъемку сирийской территории, выявляя, в частности, маршруты указанного выше провоза людей и оружия для исламских организаций "Хызболла" и др. из Ирана. В ответ на это соглашение Х. Асад прервал в марте 1996 г. мирные переговоры с Израилем, демонстрируя свое бесстрашие, и уже в мае лично пригласил лидера ДПК Масуда Барзани на переговоры в Дамаск. М. Барзани прибыл во главе курдской делегации. Этот визит широко освещался сирийскими средствами массовой информации, особо подчеркивалась важность сотрудничества сторон, но существенные детали его не раскрывались, хотя Х. Асад говорил о росте напряженности в сирийско-израильских и сирийско-турецких отношениях, которая могла бы спровоцировать военный конфликт.

Соглашение о военном сотрудничестве Израиля и Турции было возобновлено в конце ноября 1996 г. во время визита в Анкару израильской военной делегации. Это соглашение было очень опасно для режима Х. Асада особенно в случае военного конфликта Израиля с Сирией, когда Израиль мог бы повлиять на Барзани с помощью США. Сирия могла оказаться в замкнутом кольце недружественных режимов, а Израиль накажет Асада в военном конфликте уже в который раз.

Итак, основные оперативные цели Дамаска в Северном Ираке в 90-е годы, а точнее — с середины 90-х годов:

— поддержание выгодных отношений, доходящих до уровня жизненно важных для Асада, с Барзани и Талабани для использования территории Северного Ирака в качестве сухопутного коридора для снабжения сирийских вооруженных

сил в случае войны с Израилем, а также исламских антиизраильских организаций в Ливане и ПСК. Дамаск и Тегеран при этом просили ДПК и ПСК содействовать провозу военных грузов по их территории до сирийской и далее к получателям. Без этого грузы могут перехватить враждебные им силы.

Протяженность сухопутного коридора — 400 км. Это асфальтированная трасса и грузовики с грузами преодолевают ее за пять часов. Итак, Северный Ирак — территория, напрямую связывающая Иран с Сирией по суше. В этом его военно—стратегическая важность для оси Тегеран—Дамаск. Кроме сухопутного Северный Ирак представляет и воздушный коридор для авиасообщений между Ираном и Сирией. Это существенно необходимо особенно на случай военного конфликта Сирии с Израилем.

В обмен на сотрудничество лидеры ДПК и ПСК могут пользоваться правом беспрепятственного въезда в Сирию, но обязаны воздержаться от какого-либо вмешательства в сирийском Курдистане. Они вправе иметь там лишь коммерческий бизнес. Сирия остается страной, куда может приехать курдская эмиграция, благосклонно относящаяся к режиму Х. Асада.

Летом 1994 г. в Южном Курдистане возникла новая ситуация, когда началась кровавая междоусобица между ДПК и ПСК. Барзани переориентировался на Багдад, а Талабани — на Тегеран. В конце августа 1996 г. результатом сотрудничества Барзани с Багдадом было вытеснение с боями отрядов ПСК из основной части Южного Курдистана на иранскую территорию. США, опасаясь восстановления власти Багдада над Северным Ираком, призвали ДПК и ПСК к прекращению огня и сотрудничества как с Багдадом, так и с Тегераном. Турция тоже приложила к этому руку, явно проявляя интерес к стабилизации собственных отношений с Багдадом с учетом перспективы транспортировки иракской нефти через ее территорию.

Сотрудничество ДПК с Багдадом означало изменение баланса сил, возникновение новой оси "Барзани-Багдад", ко-

торая обусловила некоторые перемены в позициях Х. Асада. В результате этого, а также опасаясь военного конфликта с Израилем.. он уже не так решительно поощряет Барзани и ПСК на конфронтацию с Хусейном, как это было, например, в 80-е годы, когда Ирак воевал с Ираном или в начале 90-х годов, когда Ирак воевал с коалицией во главе с США и был вынужден уйти из Кувейта и лишиться контроля над Северным Ираком. Сближение Турции с Ираком усилило заинтересованность Дамаска в улучшении отношений с Багдадом. Была выдвинута идея создания новой оси Дамаск-Багдад-Ливан-Иран в противовес оси Израиль-Турция-Египет-Иордания. Это оправдывается и таким опасным фактором как резкий рост напряженности в турецко-сирийских отношениях, особенно после подписания израильско-турецкого военного соглашения, когда Турция перебросила дополнительные войска на границу с Сирией, а Дамаск перебросил 40 тыс. своих войск на границу с Турцией в июне 1996 г.

Х. Асад к национальным правам курдов в Северном Ираке подходит с позиции сохранения территориальной целостности современного Ирака. Режим Асада принципиально выступает против возникновения курдского государства, даже против права на самоопределение для курдского народа в Ираке, Турции и Иране и тем более против предоставления национальных прав курдам у себя в Сирии, где он даже не признает самого факта существования курдского народа. Дело в том, что он поощрял выступления курдской оппозиции Ирака постольку, поскольку их выступления были направлены против С. Хусейна. Но это не означает, что Х. Асад — эдакий решительный принципиальный сторонник достижения целей национальной борьбы курдов в Ираке, как его рекламировала курдская оппозиция Ирака и некоторые курдские партии в Сирии в 80-е начале 90-х гг. По сути он не был сторонником автономии курдов на Севере Ирака, поскольку усматривал в ней прецедент для курдов остальных частей Курдистана, включая, естественно, сирийскую.

В отличие от правящего режима Сирии, возникновение в 1992 г. курдской государственности в Северном Ираке (Южном Курдистане) приветствовалось сирийскими курдами, вызвав радость, подъем чувств национальной гордости, желание помочь соплеменникам. Это исторически уникальное событие особо выделялось на страницах партийной печати курдских политических партий Сирии. В частности, оно ставилось по своей значимости в один ряд после такого события, как возникновение в Иране Мехабадской автономии курдов в 1946 году. Приветствия и солидарность в связи с возникновением курдской государственности в Южном Курдистане выражали отдельные партии и Курдский демократический союз в Сирии (КДСС) — объединенный орган семи курдских партий в Сирии.

Лидеры курдских партий Сирии начали прибывать в Северный Ирак для встреч и бесед с лидерами ДПК и ПСК. Обе эти организации имеют определенный вес и влияние среди курдских партий в Сирии, хотя и подвергаются серьезной, но конструктивной критике с их стороны по вопросам тактики и стратегии. Призывы прекратить кровавую междоусобицу, вспыхнувшую между ДПК и ПСК летом 1994 г. и длившуюся до сентября 1996 г. включительно, также раздавались от имени отдельных партий и КДСС.

Курдская партия народного союза в Сирии (генсек Салах Бадреддин), обвиняет лидера ПСК Джалала Талабани в сотрудничестве с режимом Х. Асада в обмен на право въезда в Сирию и игнорирования курдского вопроса там. Талабани также обвиняется в попытках создания на территории Южного Курдистана обособленных курдских эмиратов на основе родоплеменной принадлежности курдов. Выдвинуто и обвинение в расколе курдских партий в Сирии в 1995 г.

В последнее время в позиции Сирии по отношению к ситуации в Южном Курдистане появились некоторые новые элементы: ограничиваются возможности использования "курдского коридора", проходящего через Северный Ирак, для

тайного провоза оружия, людей и имущества из Ирана к исламским отрядам, против Израиля в Ливане и Палестине, а также для ПКК. Это обусловлено жесткими требованиями Израиля, Турции, США и Англии прекратить транспортировку оружия и людей. В противном случае возможно военное столкновение, которого режим Асада естественно опасается. Сирийский президент подчинился, но пока лишь частично. Сразу после возобновления израильско-турецкого соглашения о военном сотрудничестве в конце ноября 1996 г. он распорядился не пропускать сторонников исламских отрядов, следующих из Ливана в Иран через Сирию.

Ослабло влияние режима Х. Асада на руководителя ДПК из-за его сближения с Саддамом Хусейном, а также резкого усиления влияния США, Турции и Англии на Масуда Барзани. Однако лидерам ДПК и ПСК сохранено право въезда в Сирию.

Не исключена возможность переориентации самого Х. Асада на некоторое сближение с Саддамом Хусейном. Для него самого это тактически выгодно в условиях роста напряженности в его отношениях со всеми ближайшими соседями, но последствия такого сближения могут быть опасными для ДПК и ПСК.

Для Х. Асада сейчас стабильность в его отношениях с Израилем, Турцией и США во избежание войны предпочтительнее, чем нестабильность в Северном Ираке, которой он может пожертвовать в ущерб ДПК и ПСК. Ради примирения с Израилем, Турцией и Багдадом он может пожертвовать курдами Ирака и Турции.

ПОЗИЦИЯ АРАБСКИХ СТРАН В СВЯЗИ С СИТУАЦИЕЙ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

Курдская проблема в Иракском Курдистане — это составная часть общей проблемы всего курдского народа, родина которого поделена между четырьмя государствами: Иран, Ирак, Турция и Сирия. Любой сдвиг в решении курдской проблемы на демократической основе в этой части Курдистана так же как в любой другой, естественно, вызывает беспокойство и враждебное отношение правящих кругов и шовинистических сил этих государств, врагов курдского самоопределения. В связи с этим напрасно было бы ожидать позитивный отклик со стороны какой-либо из числа упомянутых выше стран на решение Совета Безопасности об образовании зоны безопасности в Иракском Курдистане севернее 36 параллели.

Турецкие официальные круги часто утверждали, что Турция согласилась с Западом и США принять участие в операции "Буря в пустыне" с условием не свергать Саддама Хусейна, и не допустить создание какого-либо статуса для курдов на севере Ирака. Эта турецкая позиция отвечала, в полной мере, интересам Ирана, Сирии и даже Ирака. Если турецкие и иранские правители по-своему узаконили раздел Курдистана между собой еще в начале XVI века и с тех пор добиваются увековечения угнетения курдов, то Сирия и Ирак добиваются того же после второго раздела Курдистана, произведенного после 1 мировой войны и в особенности после обретения государственности в 30-х — 40-х гг. XX в.

Позиция Сирии в курдском вопросе существенно отличается от позиции других государств, разделивших Курдистан. Если курды Турции, Ирана и Ирака имеют довольно долгую историю национальной борьбы, имевшей большой международный резонанс, то в Сирии курдский вопрос никогда не приобре-

тал такой конфликтный характер, хотя национальное угнетение курдов носило там весьма суровый характер.

Сирийские власти реально оценивали особенности курдской проблемы в стране, понимая, что борьба курдов может увенчаться успехом в первую очередь в Турции, Иране или Ираке. Поэтому они добиваются объединения усилий этих стран в активизации антикурдских действий. Но далеко не всегда отношения Сирии с этими государствами были дружественными. Напротив, отношения Сирии, например, с Турцией чаще бывали напряженными (противоречия по территориальному вопросу, распределению вод Евфрата и др.). Недавно, после победы на выборах Неджметтина Эрбекана, представитель МИД Сирии, прибывший по этому случаю в Турцию, заявил: "Турция от нас требует, что бы мы вместе с ней воевали против Курдистана, и, чтобы мы передали в руки турецких властей генсека (ПКК) Абдуллу Оджалана. Но, я заявляю, что этому не быть. Ибо Сирия независимая страна и полноправна иметь дружественные отношения и сотрудничество с кем бы то ни было в регионе".

С Ираком Сирию разделяло соперничество правящих в этих странах региональных филиалов Баас за гегемонию в других арабских странах. Все это и ряд других факторов послужили причиной различного подхода Сирии и других арабских стран региона к проблемам курдов в Ираке.

Сирия долго оказывала помощь курдскому движению в Ираке. Лидер ПСК Дж. Талабани как-то заявил: "Мы никогда не забудем позиции наших сирийских братьев во главе с президентом Х. Асадом, которые в трудные минуты, когда без Сирии мы бы не могли должным образом вести борьбу за дело своего народа, они не только открыли перед нами возможность политически бороться, но и предоставили нам возможность в деле подготовки боевиков и приобретения оружия". Эту оценку могли дать и другие курдские лидеры, ибо Дамаск в течение многих лет был приютом для многих из них. Почти все политические организации Северного Курдистана (Турции), Южного (Иракского) Курдистана и ИКП имели свои штаб-квартиры в Дамаске. Большинство их кон-

ференций, внешняя политическая деятельность осуществилась благодаря содействиям Сирии. В знак благодарности большинство курдских политических организаций Сирии смягчило свою политическую пропаганду против политики этой страны в отношении курдов Сирии.

Однако, невзирая на хорошие отношения, сложившиеся между курдским движением и руководством САР, и на то, что Сирия даже отправила свой военный контингент для участия вместе с некоторыми арабскими странами на стороне сил антисаддамовской коалиции в операции "Буря в пустыне" она вместе с Суданом, Алжиром, Египтом и, в несколько меньшей степени, Ливией и Иорданией негативно восприняла изменения, произошедшие в Южном Курдистане после создания ООН "Зоны безопасности" в Ираке севернее 36 параллели. Избрание там парламента, создание коалиционного правительства, объявившего о приверженности принципу федерализма, было встречено арабами с большими подозрениями. Правда, американская дипломатия сумела примирить некоторые арабские страны с новым порядком в Иракском Курдистане. Позиция Саудовской Аравии была почти нейтральна, смягчилась и позиция Египта. Король Иордании Хусейн даже выдвинул свой проект государственной реформы в Ираке, в котором предложил создать 3 федеральных субъекта в Ираке (курдский, шиитский и суннитский).

Жертва агрессии Кувейта после освобождения от иракской оккупации естественно занял резко антибагдадскую позицию, в том числе и в курдском вопросе. Посольство Кувейта в Москве, например, начало распространять антииракскую литературу, документальные киноленты о применении химического оружия против мирных граждан в Халабдже и других местах, о последствиях политики выжженной земли, проводившейся иракским режимом в Курдистане. Во всех комментариях к этим документальным материалам употреблялся для иракского режима один эпитет — фашистский режим. А во второй половине августа 1993 г. представитель МИД Кувейта, директор администрации исследований и информации Ахмед Абдель Азиз аль-Джасем и представитель канцелярии МИД Кувейта, шеф по делам международных

организаций Кувейта при МИД Абдел Хамид аль-Оды нанесли официальный визит в Иракский Курдистан, где встретились с лидерами двух ведущих партий — Масудом Барзани и Дж. Талабани. По просьбе своего правительства они составили список объектов для оказания материальной помощи Иракскому Курдистану. Кувейт и по сей день категорически выступает против снятия экономических санкций с Ирака, кувейтская пропаганда постоянно напоминает о преступлениях багдадского режима в Курдистане.

Сирийские власти, проводя антисаддамовский курс, одновременно не желали поддерживать курдское движение в Ираке. В средствах информации Сирии очень редко употреблялось слово "Курдистан", а чаще всего использовался термин "Север Ирака" или даже "невинные граждане севера" (!)

Как известно, "Свободный Курдистан" испытывал огромные экономические трудности, а с 1994 г. вступил в полосу острого политического кризиса вследствие разлада между ДГЖ и ПСК. Вспыхнули вооруженные конфликты, в результате которых погибли тысячи безвинных людей со стороны ДПК и ИСК. Ответственность за это лежит не только на руководстве обеих главных курдских партий и на правительствах Турции и Ирана, но и на многих арабских странах (кроме Кувейта, Саудовской Аравии, Иордании и Сирии), которые выступали против экономических санкций, наложенных ООН на Ирак, повторяя демагогическую пропаганду самого Саддама Хусейна. Даже представители тех арабских стран, которые участвовали в войне на стороне сил коалиции против режима С. Хусейна, начали в рамках Лиги арабских стран выступать за снятие с Ирака экономических санкций. Генеральный секретарь ЛАС Исмаил Абдул-Магид в своем заявлении от 29 июня 1996 г. потребовал, чтобы власть С. Хусейна распространилась и на север, и на юг страны.

Арабские страны, за исключением стран Залива, считают, что грехи С. Хусейна смываются, если он признает Кувейт как суверенный субъект международного права. Они готовы предать полному забвению преступления саддамовского режима в Курдистане.

ИРАН И КРИЗИС В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

Курдистан неоднороден в геополитическом плане. Он состоит из разновеликих ареалов компактного проживания курдов, входящих в четыре страны Западной Азии Турцию, Ирак, Сирию и Иран. Это его состояние поддерживается как этими странами, так и другими заинтересованными государствами и политическими силами. В связи с этим все они, заинтересованные в избежании межгосударственных конфликтов в этом регионе, стремятся к поддержанию здесь ситуации, обеспечивающей им определенное политическое равновесие.

Попытки Ирана добиться доминирующего положения в регионе в последнее время заканчивались, как правило, провалом в связи с неудачами на восточных и западных границах, озабоченностью религиозными проблемами в Центральной Азии и наращиванием американских вооруженных сил в районе Персидского залива.

Политика Ирана в курдском вопросе обусловлена, с одной стороны, его соперничеством с Турцией за влияние в Закавказье и Центральной Азии, а с другой — стремлением добиться господствующего положения в Западной Азии.

Иран проводит весьма гибкую и прагматичную политику в связи с событиями в Южном (Иракском) Курдистане, которая определяется межгосударственными отношениями стран проживания курдов в Западной Азии, их общим стремлением подавить курдское движение преимущественно силовым путем, операциями иранской армии против курдских повстанцев Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК). Кроме того, политику Ирана в связи с конфликтом в Южном (Иракском) Курдистане можно рассматривать как стремление не только Ирана, но и Ирака и Турции, помешать расширению влияния США в курдском этническом ареале.

Стремясь стать господствующей политической силой в регионе, иранские политические круги осознанно руководствовались таким политическим курсом, который содействовал обострению конфликтной ситуации в Курдистане. Следствием этой политики явилось усиление вражды между курдскими политическими течениями в Ираке, что создало прецедент для эскалации борьбы с курдским национальным движением в регионе. Как известно, страны проживания курдов заключили между собой двухсторонние антикурдские соглашения. В ходе их реализации летом 1996 г. для нападок на Рабочую партию Курдистана были использованы столкновения на ирано-турецкой границе. Политика Тегерана спровоцировала, в частности, обострение противоречий между Патриотическим Союзом Курдистана и Демократической партией Курдистана. При этом Иран стремился показать, что именно он, а не США, является главным арбитром в курдском вопросе. Подписав с Турцией в 1996 г. торговое соглашение, Иран использовал его для демонстрации мусульманской солидарности в своих политических интригах в регионе.

Летом 1996 г. 3 турецких вертолета вторглись на 25 км на территорию Ирана и обстреляли иранские деревни. Было убито несколько женщин и детей. Облет был повторен, в результате чего было убито 6 и ранено 16 мирных жителей. Иранские дипломаты потребовали создать совместную ирано-турецкую комиссию для расследования случившихся инцидентов, но высокопоставленные турецкие дипломатические представители заявили о том, что в создании совместной комиссии нет необходимости, поскольку инцидентов и не было вовсе. Свое заявление Иран передал в турецкое консульство в Урмии. Министр иностранных дел Турции со своей стороны заявил протест правительству Ирана¹.

В начале июля 1996 г. состоялось очередное заседание Высшего Совета по безопасности*, на котором делегации

* В Совет по безопасности входят министры иностранных дел стран проживания курдов в регионе; создан в 90-ые годы.

Ирана и Турции обсудили эти инциденты. При этом заместитель министра иностранных дел Турции Эрол Чакыр выразил свою озабоченность действиями Сирии и РПК, которые используют якобы ирано-турецкую границу для организации атак в Турции. Заместитель министра иностранных дел Ирана Алладин Буруджерди на это ответил, что между двумя странами сохраняются дружественные отношения и все возникшие шероховатости будут разрешены на межгосударственном уровне².

Между тем, в начале июля турецкие посты снова были обстреляны. Эти действия были приписаны курдам. В связи с этим президент Сулейман Демирель лично посетил эти посты. Военные специалисты Турции информировали его, что в налетах принимали участие 4 иранских революционных гвардейца и что атакующие были вооружены оружием, которое обычно не используют повстанческие отряды. Демирель уклонился от прямого обвинения Ирана. Он, однако, напомнил о существовании турецко-иранского соглашения о безопасности, которое следовало бы выполнять. Эта поездка Демиреля заставила премьер-министра Н. Эрбакана обратить внимание на отношения Турции с Сирией и Ираном, странами, которые, по его мнению, поддерживают РПК³. Действительно, игнорируя недовольство США сближением с Ираном, Эрбакан направился в Тегеран, где наряду с договоренностями о поставке Турции иранского газа обсуждал с высокопоставленными иранскими государственными деятелями и проблемы курдов в связи с обеспечением безопасности ирано-турецкой границы. Эрбакан лично инспектировал этот участок границы. Иранские официальные лица заверяли Эрбакана в том, что Иран не оказывает поддержки курдским автономистам, совершающим налеты на турецкую территорию со стороны иранской границы⁴.

В этой ситуации Иран подтвердил свои намерения поддерживать сотрудничество и добрососедские отношения с Турцией. Иранский президент Али Акбар Хашеми-Рафсан-

джани выразил свое глубокое удовлетворение укреплением экономических связей с Турцией и заявил, что подписание турецко-иранского соглашения о продаже газа является серьезным ударом для США, пытающихся затормозить экономический рост Ирана⁵. Клинтон осудил эти действия Турции, поскольку Вашингтон заинтересован в изоляции Ирана как пособника международного терроризма, к тому же стремящегося получить доступ к ядерному оружию.

Следовательно, Иран как бы сделал вызов Вашингтону, заинтересованному в укреплении своего влияния в Турции, являющейся мостом между Европой и Ближним и Средним Востоком. Он продемонстрировал свою активность⁶ в отношениях с Турцией, где у власти до последнего времени находилось происламское правительство Эрбакана. На деле турецко-иранское соглашение по газу не сможет повлиять на политическую переориентацию Турции, которая остается в регионе важным союзником США⁶. Кроме того, подписание этого соглашения не является неожиданным, поскольку оно готовилось загодя, примерно год тому назад при содействии проамерикански ориентированной Т. Чиллер⁷. Турция неоднократно заявляла, что она стремится к стабильным и взаимовыгодным отношениям с Ираном, хотя и отмечала, что хотела бы оградить себя от усиления иранской исламской пропаганды. Турецкие политические круги выражали мнение, что курдские повстанцы в Турции активно используют территорию Ирана для своей военно-политической деятельности, а Иран обвиняли в подготовке и поддержке исламских террористов в Турции⁸.

Другим заслуживающим внимание фактором явилась активизация летом 1996 г. военных действий иранской армии против функционеров ДПИК, базировавшихся на иракской территории, которые предпринимали вооруженные вылазки в иранских деревнях. ДПИК поддерживала ПСК, контролировавшую районы на северо-востоке Ирака. Иранская армия вторглась на территорию Ирака и обстреляла позиции иранских курдов. Представитель ДПИК Мустафа Тай-

мур распространил в Эрбиле заявление, в котором сообщалось, что 2 тыс. иранских солдат внедрилось на территорию Иракского Курдистана для борьбы с иранскими курдами. Это вторжение оказало определенное влияние на взаимоотношения между двумя соперничавшими иракскими партиями — ДПК и ПСК, нарушив их хрупкое перемирие.

В июле 1996 г. хорошо вооруженная иранская армия вторглась на иракскую территорию и обосновалась в районе города Койсанджак, в 80 км от Эрбиля. Тотчас же началась словесная война между партиями иракских курдов, а РПК заявила, что присутствие иранской армии в Ираке создает серьезную угрозу безопасности и стабильности в регионе. Ее представитель заявил, что ПСК заручилась поддержкой Ирана для борьбы с РПК. Представитель ПСК в Анкаре Сахзад Саиб отверг претензии РПК и заявил, что Тегеран в июне 1996 г. информировал ПСК о своем недовольстве относительно просачивания функционеров ДПИК на территорию Ирака. ПСК сообщил руководству ДПИК о желании Тегерана, чтобы ДПИК прекратила свою активность против Ирана, который поддерживает многие исламские группировки в Ираке (как, например. Исламское движение Иракского Курдистана, Исламский союз Курдистана и т.д.), а также связи с ПСК. Иран, в свою очередь, послал на север Ирака так называемые "силы Бедира", составляющие оппозицию режиму Ирака⁹.

Следовательно, политическая активность Ирана в регионе способствовала усилению противоречий между курдскими политическими организациями Ирака и Турции. Вместе с тем, ДПИК заявила, что в результате операций Ирана против ее функционеров не пострадал ни один из ее представителей. Она констатировала, что был нанесен материальный ущерб ее базам, расположенным на территории Ирака, и выразила свою благодарность за поддержку ООН курдских беженцев, которые в количестве около 2500 чел. нашли убежище в лагере для беженцев в окрестностях Эрбиля. Иран, вопреки этому, заявил, что было казнено 20 руководящих де-

ятелей ДПИК. Турецкие же информационные источники передавали, что ДПИК были понесены более тяжелые потери.

Оценивая результаты военной операции Ирана против иранских курдов, можно сказать, что своими действиями Иран нарушил сложившийся к лету 1996 г. в Курдистане баланс политических сил.

Занятая Ираном позиция в Иракском Курдистане вызвала резкую негативную реакцию со стороны ДПК, возглавляемой Масудом Барзани. В конце октября 1996 г. она распространила заявление, обвиняющее Иран в поддержке ПСК. Документ был опубликован после того, как в Анкаре и Вашингтоне были достигнуты договоренности о прекращении огня между враждующими группировками. ДПК обвинила Иран в том, что он оказал ПСК помощь в захвате крупнейшего курдского города Сулеймании, находившегося в руках ДПК. Реакция Ирана на эти обвинения содержались в заявлении представителя иранского министерства иностранных дел Махмуда Мохаммади. Он сказал, что Иран не поддерживает ни одну из соперничающих группировок на севере Ирака, указав на то, что подобные выпады лидера ДПК ставят целью "отвлечь внимание мирового сообщества от его альянса с иракскими правительственными силами, который уже привел к кровопролитию". Иран утверждал, что его вторжение на территорию Северного Ирака, как, например, наступление в июле было направлено против находящихся там мятежных иранских курдов.

Генеральный секретарь ДПИК А. Хасанзаде также негативно оценил братоубийственную войну в Южном Курдистане. Он подчеркнул, что в этой войне нет победителя, а также нет пользы и для народа Курдистана. Он призвал курдских руководителей и заинтересованные политические силы отказываться от силовых методов разрешения конфликтов. А. Хасанзаде считает, что решение спорных вопросов за столом переговоров является наиболее продуктивным¹⁰.

Между тем, конфликтная ситуация в Иракском Курдистане обострила проблему курдских беженцев.

Летом 1996 г. в Иран усилился поток курдских беженцев в связи с боями между ПСК и ДПК за Сулейманию, расположенную в 50 км от иранской границы. В пограничных районах в четырех лагерях насчитывалось около 65 тыс. человек. 15 тыс. сразу же пересекли ирано-иракскую границу, и еще 40 тыс. ожидали возможности направиться в подобные лагеря на территории Ирана. Территория Ирана за последние годы стала пристанищем для курдских беженцев из Ирака. По сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в Иране насчитывалось 600 тыс. иракских курдов. К началу ноября 1996 г. власти ИРИ, по официальным сообщениям, затратили на их прием и обустройство свыше 23 млн. долларов и не имеют больше возможности выделять больше средств, чем делали до сих пор.

Вашингтон активно вмешался в урегулирование конфликта в Южном (Иракском) Курдистане. Представители американской администрации встречались с лидерами обеих враждующих группировок. При этом Талабани утверждал, что ПСК сознательно поддержал позицию Тегерана в Иракском Курдистане. Министр иностранных дел Ирана Акбар Велаяти поэтому выразил сомнения, что американские инициативы будут плодотворны. Он сказал, что Иран имеет больше шансов обеспечить мир в регионе¹¹.

Вашингтон призвал курдов избегать поддержки Ирана или Ирака в рамках политики "двойного сдерживания", имеющей своей целью не дать возможности ни одному из них одержать верх в региональных спорах.

Таким образом, Тегеран попытался использовать курдский вопрос в своих политических интригах в регионе Западной Азии после того, как в течение менее двух месяцев он получил три сокрушительных удара на международной арене. Первый из них — поражение поддерживаемого им ПСК на севере Ирака в результате совместных действий иракских правительственных войск и боевых отрядов ДПК. Второй, свидетельства бывшего президента Ирана Банисадра в германском суде о причастности иранского руководства к

убийствам курдских руководителей (А.Касемлу и С. Шарифкенди) несколько лет назад. Третий — бегство из Кабула правительства Раббани-Хекматиара и установление контроля движения Талибан над большей частью Афганистана. Поэтому региональную политику Ирана в рассматриваемый период можно отнести к его усилиям удовлетворить свои амбиции, сделав вызов США.

¹ Turkish Daily News, July 2, 1996.

² Turkish Daily News, July 12, 1996.

³ Turkish Daily News, July 18, 1996.

⁴ Turkish Daily News, August 11, 1996.

⁵ The New York Times International, August 13, 1996.

⁶ Herald Tribune, August 15, 1996.

⁷ Herald Tribune, August 27, 1996.

⁸ Herald Tribune, August 27, 1996.

⁹ Turkish Daily News, July 30, 1996.

¹⁰ "Hevi". 23-29.11.1996.

¹¹ Herald Tribune, August 28, 1996.

ПОЛИТИКА ИРАНА В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

С первых дней пребывания нынешнего иранского режима у власти началась исламизация иранского общества. Он стремился экспортировать исламскую революцию во все мусульманские государства, особенно — в соседние (в Афганистан и Ирак, где обстановка была нестабильной).

В результате восстания курдов в Южном Курдистане весной 1991 г. большая часть его территории вышла из-под контроля иракского режима. Цепь предыдущих событий — разрушительная восьмилетняя ирано-иракская война, нападение на Кувейт, принесшее Ираку огромные потери, объявление эмбарго антииракской коалицией и ООН, создание зоны безопасности на севере Ирака — все это очень ослабило режим Саддама Хусейна. С другой стороны, кровавый и безответственный конфликт между двумя курдскими группировками открыл путь прямому вмешательству Ирана в жизнь Южного Курдистана.

В 1980-1982 гг. иранские власти стремились использовать Демократическую партию Курдистана (временное руководство), которая находилась на территории Ирана, против курдского движения, возглавлявшегося ДПИК. Это было после объявления Хомейни джихада — священной войны против национальных требований. Вооруженная акция привела к многим жертвам в Восточном Курдистане. С помощью ДПК иранские власти захватили стратегически важные населенные пункты и труднодоступные объекты. Это нанесло большой ущерб курдам Южного и Восточного Курдистана.

Во время ирано-иракской войны иранские власти использовали курдские политические силы. Эти силы успешно провели наступление в тыл иракского фронта. Иракские войска с территории Южного Курдистана были вытеснены при по-

мощи курдских сил. Иракский режим был вынужден значительную часть своих войск с других фронтов направить в Южный Курдистан.

По окончании восьмилетней ирано-иракской войны исламские политические организации, партии, организованные иранскими властями, которым Иран оказывал материальную и моральную помощь, были направлены в Южный Курдистан и использовались не только против местных политических сил, но и осуществляли десятки террористических и диверсионных актов против иранских курдов, находившихся на территории Иракского Курдистана.

Весной 1991 г. была создана "зона безопасности" для курдов на севере Ирака. Вслед за этим были проведены выборы в курдский парламент, а затем — создано курдское правительство в Южном Курдистане. Такой поворот событий напугал и обеспокоил иранские власти. Иран активизировал свою антикурдскую политику совместно с Турцией и Сирией. Под предлогом существования баз курдских партизан из Ирана на территории Иракского Курдистана, так называемых контрреволюционных сепаратистов, Иран неоднократно посылал свои войска для их ликвидации. Эти действия были направлены против существования полузависимого курдского государства в Южном Курдистане. Иран называл это государство вторым Израилем или раковой опухолью на теле Ближнего Востока, результатом заговора империалистов и сионистов.

Учитывая существующие противоречия и конфликты между двумя курдскими партиями — ДПК и ПСК, иранские власти поддерживали одну из сторон и этим усугубляли конфликт между ними, имеющий очень трагические последствия. Подтверждением этому является материальная, военная и моральная помощь исламского режима ПСК. Без помощи Тегерана эта группировка не смогла бы вытеснить ДПК и контролировать большую часть территории Южного Курдистана, включая столицу — г. Эрбиль, Сулейманию и другие крупные центры. Вмешательство Ирана способствовало

неудаче переговоров о восстановлении мира в Курдистане. ПСК с позиции силы диктовал свои условия ДПК. В результате ДПК прибегла к помощи иракских войск для ослабления своего противника.

Иран участвовал во всех заговорах совместно с турецкими и сирийскими властями для ликвидации курдского самоуправления в Южном Курдистане и против курдского движения во всех частях Курдистана. Иран во многих случаях был инициатором и координатором совместных антикурдских мероприятий этих стран. Кроме встреч трех министров иностранных дел в Тегеране, Анкаре и Дамаске после 1991 года, которые продолжаются по сей день, происходили тайные встречи делегатов на уровне министерств и других ведомств, особенно — начальников пограничных войск и госбезопасности, которые наблюдаются в последнее время чаще, чем когда-либо.

Иранские силы действовали и в других направлениях — старались подорвать все усилия как курдских, так и некурдских деятелей, партий, организаций, направленные на прекращение междоусобной войны. Особенно это относится к инициативам западных стран, в том числе — США и Великобритании. Иран всячески пытался препятствовать восстановлению мира между курдами и прекращению братоубийственной войны. Сами иранцы создавали иллюзию, что они делают попытки прекратить войну между курдами без влияния на них со стороны западных государств. Но в действительности мир в Курдистане нежелателен для Ирана, поэтому его действия не могли иметь результата.

Западные государства относятся к курдским лидерам с определенной долей подозрения. Некоторые курдские руководители дали основания подозревать их в отношениях с Ираном.

Правящие круги Ирана стремятся подавить и уничтожить курдское движение во всех частях Курдистана, особенно — в Южной, которая стала центром внимания мирового сообщества и надеждой всех курдских патриотов.

Во время поездки в Тегеран в августе 1996 г. премьер-министра Турции Эрбакана официальные представители Ирана заявили, что решение проблемы Северного Ирака должно произойти на высшем уровне среди соседних стран — Турции, Сирии и Ирана, и никто кроме них не вправе вмешиваться в решение этого вопроса. Заявление было сделано под предлогом сохранения территориальной целостности Ирака и угрозы дестабилизации в соседних странах.

Иранские власти называют иракских курдов своими братьями не только по вере, но и по крови, по происхождению, в то время как уже 17 лет Иран ведут необъявленную войну против курдского народа.

Руководство Исламской республики Иран ограничивает права персидского населения, которые зафиксированы в конституции. Согласно статье 15 Конституции Ирана, "официальным и общим языком и алфавитом для иранского народа является персидский язык и персидский алфавит. Официальные документы и тексты, официальная переписка и учебники должны быть написаны на этом языке этим алфавитом, однако местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах". Ни в одной школе, однако, не признают курдский язык, ни в одном научном учреждении не исследуется история и культура курдского народа. Практически правительство не удовлетворило ни одного требования курдов.

Иранский режим с помощью исламских организаций из числа наемников в Ираке и Ливане осуществляет террор против курдских деятелей и прогрессивных сил из Иранского Курдистана. Они организовали убийство генерального секретаря ДПК доктора Касемлу в Вене в 1989 г., которого якобы пригласили на переговоры, а также — в 1992 г. в Берлине его соратника доктора Шарафкенди, убийство члена ЦК и представителя ДПК в Багдаде. Можно привести

десятки таких примеров. Иранские власти постоянно охотятся за курдскими деятелями и активистами.

При помощи ПСК иранский режим добился ликвидации радиостанции ДПИК, освещавшей ежедневно события в мире и положение в Курдистане на курдском языке. Эта радиостанция пользовалась большой популярностью среди курдов во всех частях Курдистана, особенно — в Иранском. Ликвидация ее произошла несмотря на то, что ДПИК несколько раз обращалась к руководству ПСК с просьбой не способствовать в этом иранским властям. ДПИК тщетно предупреждала, что закрытие радиостанции противоречит интересам курдского народа. Уступки иранскому режиму шаг за шагом могут привести к тому, что иранские власти смогут еще более свободно повлиять на обстановку, а также вмешиваться во внутренние дела Иракского Курдистана. Следует отметить, что радиостанция ДПИК непрерывно работала более 15 лет, и иранский режим, несмотря на многочисленные попытки, не мог ликвидировать ее. Только спустя 6 месяцев ДПИК смогла установить другую радиостанцию в другом месте.

Вслед за ликвидацией радиостанции иранский режим начал крупномасштабное наступление на Иракский Курдистан, используя войска (численностью около двух тысяч) и наемников, используя тяжелые орудия и бронетехнику. Наступление началось 27-28 июля 1996 года. Через район, контролируемый ПСК, иранские войска достигли без всяких препятствий Сулеймании. При этом ставились цели: во-первых, показать свою силу, во-вторых, уничтожить лагерь беженцев из Восточного Курдистана и базу иранских курдских вооруженных отрядов. Была проведена бомбардировка этих лагерей и баз. ДПИК заранее узнала о подготовке этого штурма и успела информировать о нем все мировое сообщество и в первую очередь руководство ПСК, чтобы предотвратить наступление. Бдительность ДПИК помогла избежать более трагического исхода. Иранское руководство добилось того, что конфликт разгорелся именно на территории Южного Курдистана. Но ДПИК воздержалась от столкновения с иранскими войсками.

Следующим шагом руководства ПСК было предъявление ряда условий и мер для ограничения деятельности иранских курдов на ирано-иракской границе. Иранские власти несколько раз отправляли в Южный Курдистан официальные делегации на правительственном и парламентском уровне, которые встречались с руководством ПСК. Накануне одной из таких поездок было убито несколько активистов и авторитетных иранских курдов, что вызвало негодование всех курдских деятелей и политических партий.

Последние события в Южном Курдистане — вытеснение ПСК из многих районов силами ДПК при помощи иракских войск дало больше поводов руководству ПСК просить помощи у правительства Ирана для борьбы со своим соперником. В результате обстановка в Южном Курдистане еще более накалилась. Десятки тысяч мирных жителей были вынуждены в очередной раз покинуть свои родные места. Кроме жертв среди мирного населения обе стороны понесли большие потери. Трагедия курдского народа продолжается по сей день.

Вооруженный конфликт между ДПК и ПСК нанес большой урон курдскому движению. Усилия, принимаемые для прекращения войны курдскими политическими партиями и организациями, друзьями курдского народа за рубежом, до сих пор не дали желаемых результатов.

Соединенные Штаты и Великобритания были более других заинтересованы в прекращении огня между этими группировками. Но переговоры, проводимые в августе и сентябре 1995 г. в Дублине, Лондоне и самом Курдистане, прервались. Американцы и англичане не имеют принципиальных позиций по курдскому вопросу, хотя они были хорошо осведомлены о противоречиях между ДПК и ПСК, которые продолжаются уже более 30 лет. С самого начала США и Великобритания могли предотвратить этот конфликт. Провалы каких бы то ни было переговоров, возглавляемых этими государствами, устраивали Тегеран и Анкару, хотя официально они поддерживали переговоры. Но, в действительности,

они используют переговоры для того, чтобы диктовать свои условия обеим из конфликтующих сторон.

Кризис в Южном Курдистане зашел в тупик. Противоборствующие стороны получили от Ирана и Ирака оружие в таком количестве, которого еще никогда не было в Курдистане. Только заключение мира может предотвратить очередное кровопролитие и вмешательство Ирана, Турции и Сирии.

В противном случае не исключено возвращение иракских карательных войск в Курдистан, установление там иракской администрации и как следствие — новые репрессии против курдского народа, выдворение обеих из враждующих сторон из Южного Курдистана. В таком случае Турция, Сирия, Иран и Ирак смогут осуществить свои планы по ликвидации курдского движения.

Курдский народ выражает свой протест в ответ на бездарную и безответственную политику руководства враждующих партий. В разных городах Курдистана организовывались митинги, демонстрации с требованиями прекращения войны и выполнения обещаний, которые они дали. Среди народа, доведенного до отчаяния мучениями и голодом, были случаи самоубийств. Организация "Эмнисти интернейшил" опубликовала книгу, в которой говорится о нарушениях прав человека в Южном Курдистане.

Например, стало известно о том, что противоборствующие стороны используют гуманитарную помощь зарубежных стран и доходы от таможни для покупки оружия и боеприпасов.

В связи с кризисом многие специалисты вынуждены были покинуть Курдистан. Курды, получившие специальность в других странах, не имели возможности вернуться на родину.

В начале апреля 1996 г. иракские и курдские оппозиционные силы под руководством Ирана и Сирии собрались в Дамаске, чтобы выработать единую платформу и направления для свержения Саддама Хусейна. Целью этой встречи было противопоставить оппозиционные силы Ирака и курдов США и западным странам, сохранить территориальную целостность Ирака. Однако и на этот раз они не пришли к единому мнению, особенно — по отношению к курдам.

РЕАКЦИЯ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ НА ОБОСТРЕНИЕ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ИРАКЕ

Курдистан занимает важное геополитическое и геостратегическое положение в центре ближневосточного региона. Он открывает путь Азии в Европу и связывает Европу с арабским миром, имеет выходы в Закавказье и Центральную Азию, становясь важным звеном, соединяющим торговые и транспортные коммуникации Запада и Востока, Севера и Юга.

Размах национально-освободительного движения многомиллионного курдского народа, нерешенность курдской проблемы создают постоянный очаг напряженности в одном из ключевых регионов мира, где сходятся и пересекаются геополитические интересы ведущих мировых держав и стран региона — Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Вот почему курдский вопрос выходит далеко за региональные рамки и становится крупной мировой проблемой, от решения которой зависит мир и стабильность на Ближнем и Среднем Востоке.

До последнего времени курдский вопрос не имел приоритетного значения ни для одной из держав, заинтересованных в ближневосточных делах. Он служил им порой весьма важным, но все же вспомогательным средством для достижения тех или иных целей в Западной Азии. По существу курды, как в прошлом, так и в настоящем, очень часто использовались региональными и другими державами в качестве разменной монеты в большой геополитической игре.

На рубеже 80-х — 90-х гг. в мире произошли важные геополитические изменения, которые существенным образом повлияли на расстановку военно-политических сил в ближневосточном регионе и сделали курдскую проблему более актуальной. Последствия распада СССР, как сверхдержавы,

и всей советской системы в ее внутреннем и международном аспектах привели к потере Россией стратегических партнеров в арабском мире. Отказ России от политики глобального противостояния с США и НАТО привел к дистанцированию от ближневосточных, в том числе и курдских, дел. В сфере российско-американских ближневосточных противоречий образовался вакуум, который требовал заполнения. Историческая судьба Курдистана на современном этапе стал определяться в основном на мировых торгах распределения сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Отличительной чертой сложившейся обстановки является то, что в ней заметно возросла роль США и стран Западной Европы. В то же время между самими западными странами ведется острая борьба за овладение геополитическими позициями ближневосточного региона. Для достижения поставленных целей США и Великобритания, опираясь на Турцию, прибегают к силовым методам решения курдского вопроса.

Общими целями военных операций турецких вооруженных сил являются разгром курдских вооруженных формирований (около 40 тысяч бойцов) и очагов вооруженного сопротивления, обезглавливание курдского движения путем ликвидации его главной политической и организующей силы — Рабочей партии Курдистана, подавление всех левых сил, действующих в Курдистане, депортация наиболее активной части курдского населения. Этим турецкое руководство стремится снять с повестки дня курдскую проблему, особенно возможность возникновения самостоятельного курдского образования в самой Турции. Еще в начале 80-х гг. между Турцией и Ираком была достигнута договоренность, согласно которой турецким вооруженным силам было разрешено преследовать курдских повстанцев на территории Южного (Иракского) Курдистана на глубину 10-15 км от границы. Пользуясь этим правом, турецкая армия и авиация неоднократно пересекали иракскую и иранскую границу, нанося удары по курдским населенным пунктам, опорным базам и важным плацдармом освободительной армии Курдистана.

Обращает на себя внимание намерение Анкары создать на севере Ирака буферную зону глубиной от 5 до 10 км, откуда будет депортировано курдское население. Такие действия по существу еще тогда означали попытку аннексии части территории Ирака (Иракского Курдистана) и осуществлялись при молчаливом согласии и одобрении западных стран.

В связи с бурным ростом освободительной борьбы курдского народа в последнее время произошли изменения в политике некоторых великих держав запада в пользу курдов. Они осуждают военное вмешательство Турции во внутренние дела суверенного государства Ирак. Их позиция наиболее четко проявилась в связи с очередным вторжением турецкой армии в Южный Курдистан, в середине мая этого года.

Мировое общественное мнение встревожено подобными действиями турецкого руководства и неоднократно обращало его внимание на необходимость создать условия для решения курдской проблемы путем переговоров. Европарламент, Германия, Франция, Нидерланды, Италия, Швеция, а также Россия, Лига арабских государств осудили вторжение турецкой армии в Южный Курдистан.

В действительности, это вторжение является частью ближневосточной политики США и преследует более далекие цели. Курдский вопрос интересует Соединенные Штаты лишь как средство для достижения своих глобальных целей. Эти цели определяются прежде всего задачей геополитического и геостратегического контроля США над этим регионом. При этом США и Турция намерены решить две основные задачи. Первая ослабить режим Саддама Хусейна, расчленить Ирак и тем самым аннексировать Южный Курдистан, и вторая — ликвидировать военные формирования Рабочей партии Курдистана. Не случайно, за неделю до вторжения турецких войск в Южный Курдистан 14 мая 1997 г. президент США Билл Клинтон официально заявил, что РПК является самой мощной силой, угрожающей американским интересам на Ближнем Востоке. Тем самым США фактически гарантировал Турции поддержку в агрессии против суве-

ренного государства Ирака. Характерно, что вторжение турецких войск происходило в тот день, когда руководители Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана вместе с представителями США, Англии и Турции в очередной раз собрались в Анкаре, где наметили конкретные меры по ликвидации военных баз РПК.

В политике США и Турции туркменский вопрос занимает одно из ключевых мест. Сразу же после создания зоны безопасности в Иракском Курдистане по указанию США и инициативе турецких властей были образованы две туркменские партии "Кардашлык" ("Братья") и Туркменская национальная партия, которые якобы должны защищать интересы туркменского населения в автономном районе Курдистана. Однако во всем Иракском Курдистане ныне проживает всего около 200 тысяч туркмен (туркоман), главным образом в провинции Киркук, не входящей в состав зоны безопасности. В действительности, в задачу этих партий входило создание надежной опоры для Турции и оправдание ее агрессии против национально-освободительного движения курдов.

Вскоре после создания зоны безопасности Анкара под предлогом оказания гуманитарной помощи туркменам открыла в Эрбиле, столице автономного Курдистана, представительство Красного Полумесяца, фактически игравшего роль консульства. Экономические трудности в Курдистане вынуждали многих курдов с целью получения гуманитарной помощи регистрироваться в представительстве под видом туркмен. Таким образом было искусственно завышено число туркмен в Курдистане. Вместе с тем вокруг Эрбиля появились туркменские поселения. Ирак обвинил Турцию в поощрении туркменизации Эрбиля и прилегающих районов. Арабская газета "Аш-Шарк ал-Овсад" в одном из своих номеров в марте 1997 г. описывала конкретные мероприятия турецких властей. Газета пишет, что среди населения насаждается турецкая культура, в школах распространяются портреты Ататюрка, бесплатно распределяется продовольствие и раздается турецкая национальная одежда.

Багдад был обеспокоен существованием Курдского автономного района под прикрытием воздушного зонтика многонациональных сил западных держав. Район был объявлен зоной безопасности, свободной от полетов иракской авиации и других видов иракской военной деятельности. Новый парламент в октябре 1992 г. принял решение, согласно которому на территории автономного района образуется государство Курдистан, входящее в Федеративную Иракскую республику. Этот принцип был одобрен съездом патриотических сил всей страны.

Таким образом, в истории курдского народа "Свободный Курдистан" стал не только объектом, но и в определенной степени субъектом современных международных отношений. Были установлены политические и экономические контакты с учреждениями ООН, обеспечивающими безопасность и экономическую помощь иракским курдам, и ведущими государствами Запада — США, Англией, Францией, Германией. Проявляет заинтересованность в установлении контактов с Эрбилем также видящие для себя угрозу со стороны Ирака некоторые государства ближневосточного региона — Саудовская Аравия и государства Персидского залива. Таким образом, появились благоприятные условия для поэтапного создания курдской государственности. Это важное достижение борьбы курдов за свободу, которое оказывает существенное влияние на судьбу курдского народа во всех частях Курдистана.

Однако структура будущей курдской государственности формировалась под строгим контролем США. Механизм политического управления был задуман таким образом, чтобы силы курдского движения легко было противопоставить друг другу. Среди курдских сил в Иракском Курдистане главными являются две ведущие партии ДПК и ПСК, среди которых царят разногласия и противоборство, вплоть до вооруженного. По согласованию с США и другими государствами Запада, разделив места во властных структурах на компромиссной основе, они подчинили эти структуры партийным

интересам, что привело к расколу и междоусобицам, а затем — к вооруженным столкновениям. В результате периодически возникающих боевых столкновений стороны несут значительные потери, а территория оказалась разделенной на сферы влияния ДПК и ПСК. Несмотря на неоднократно объявлявшееся перемирие, конфронтация между этими силами в Курдистане продолжается. В этом заинтересованы Турция и другие государства, которые постоянно разжигают внутренние военные конфликты, направленные на раскол и ослабление национально-освободительного движения во всех частях Курдистана, на недопущение консолидации патриотических сил в общенациональном масштабе.

Вашингтон оказывает постоянное давление на ДПК и ПСК, угрожая прекращением помощи, которая оценивается на уровне 120 млн. долларов в год. В августе-сентябре 1995 г. в Дублине при посредничестве США, Великобритании и Турции состоялись два раунда переговоров между ДПК и ПСК, которые принесли лишь временное перемирие, не устранив основных противоречий, связанных между ними с борьбой за власть. Одной из задач Дублинских переговоров было объединение сил ДПК, ПСК и Турции в деле ликвидации военных баз РПК. Однако эта цель не была ими достигнута.

Вызывает у США недовольство и стремление третьих стран, в частности Ирана, использовать межкурдский конфликт в своих интересах. США требуют от курдов прекратить контакты с Ираном.

Однако происходящие в Иракском Курдистане события свидетельствуют о заинтересованности лидеров ДПК и ПСК в сбалансированном участии стран региона в процессе межкурдского урегулирования.

Заинтересованность России в курдском вопросе вызывалась прежде всего геополитическими мотивами. В условиях новых геополитических реалий интерес в России к курдской проблеме стал все более заметно проявляться на общественно-политическом уровне.

Российская политика относительно курдского вопроса в Ираке исходит из требования предоставления курдам полноценной автономии в рамках единого иракского государства. Россия настаивает на территориальной целостности всех государств региона, включая Ирак и Турцию.

Взвешенная и заинтересованная политика России по курдскому вопросу открывает благоприятные перспективы, связанные с объективным совпадением стратегических интересов обеих сторон российской и курдской. Задача практических политиков заключается в том, чтобы найти формы и способы положительной реализации имеющихся возможностей.

НАШИ АВТОРЫ:

Ашири Шараф Чаркязович — главный редактор журнала "Дружба", доктор исторических наук, профессор.

Багиров Арастун Гуджат оглы — научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Гасратян Манвел Арсенович — главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор.

Енен Экрем — курдский журналист, кандидат филологических наук.

Жигалина Ольга Ивановна — ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

Лазарев Михаил Семенович — заведующий Лабораторией курдских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор.

Мгои Шакро Худоевич — академик Национальной Академии наук Армении, руководитель Центра курдских исследований, доктор исторических наук, профессор.

Муафак Ахмад — курдский журналист, аспирант МГУ.

Расул Башир Сабри — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Шахбазян Григорий Сергеевич — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук.

Шариф Афросиаб Мухамед — кандидат исторических наук.

Шорш Халил Сайд — курдский политический деятель.

Подписано в печать 15.09.97 г. Печать офсетная.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Объем 11,25 п.л. Тираж 300. Заказ № 1405

Типография МЮ РФ